

СЧАСТЛИВОЕ
падение
С ВЫСОТЫ

ЛЯЛЯ ЛИБЕРМАН



Ляля Либерман

Счастливое падение с высоты

<https://litres.ru/74052996>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ты жива — значит, кому-то нужна. Даже если не себе».

Эти слова слышала Вера, когда лежала в сугробе и ждала смерти. Она ползла по снегу. Человек в дорогом пальто уехал, бросил в сугроб ключи и телефон туда же. Не хотела бороться. Зачем? Не вышло. Пришёл лесник — хромой, битый, злой. Вытащил. Не за «люблю», а за шкурку. И сказал: «Вставай!». Она раньше любила музыку, спасала птиц. Учила кротких жертв с форума про абьюз говорить «нет». Сама сказать боялась. Теперь — не боится. Есть тайник в лесу. Там— все! А пока филин в вольере, печка в избе, грубые руки на плечах. Это война. И она её выигрывает. Потому что жизнь — это не про красиво. А когда ползёшь, плачешь, смеёшься и вдруг понимаешь: ты нужна. Всем.

Содержание

Глава 1. ПТИЦА, КОТОРАЯ НЕ ЕСТ	4
Глава 2. ЗВОНОК	11
Глава 3. ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ МУЖЧИНА	19
Глава 4. ПОДАРОК	27
Глава 5. РАЙСКАЯ ПТИЦА	35
Глава 6. ТЫ НЕПРАВИЛЬНО ПОМНИШЬ	46
Глава 7. КОНФЕРЕНЦИЯ	57
Глава 8. ЗИМНИЙ ЛЕС	68
Глава 9. ПОЛЗИ!	75
Глава 10. ИЗБУШКА	82
Глава 11. ФИЛИН	90
Глава 12. СТО МЕТРОВ	98
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Ляля Либерман

Счастливое падение с высоты

Глава 1. ПТИЦА, КОТОРАЯ НЕ ЕСТ

Вольер номер три находился в дальнем конце двора. Туман висел над сетчатым ограждением, оседал мелкими каплями на железных прутьях. Вера сидела на перевёрнутом ящике уже третий час. Ноги затекли, спина ныла, но она не меняла позы.

Сокол сидел на верхнем насесте. Тёмное оперение сливалось с серым утренним светом. Черныш — она назвала его так за угольный цвет грудки — смотрел в сторону. Не на Веру. Не на мясо, которое лежало на доске в двух метрах от него. Вникуда.

Третьи сутки он не ел. Перебитое крыло заживало плохо. Вера сделала операцию сама — в приюте не было орнитолога, только она. Сшила кожу, наложила шину. Но сокол не принял её помощь. Не боролся и не бился в клетке. Просто

замер и ждал смерти.

Сзади скрипнула дверь. Вера не обернулась.

— Вера Андреевна, — голос Серёжи звучал приглушённо, будто он боялся разбудить птицу. — Там это... Тамара спрашивает, сколько ждать.

— Ждать чего? — спросила Вера тихо.

— Ну... решения. Усыплять или нет.

Вера молчала. Серёжа потоптался за спиной.

— Она говорит, что сокол мучается. И что вы себя изводите.

— Скажи Тамаре, что я ещё работаю.

— А если...

— Скажи ей «ещё работаю».

Серёжа ушёл. Вера слышала, как он прошлёпал по мокрым доскам к выходу. Вот хлопнула тяжёлая дверь приюта. Потом снова наступила тишина. Только туман и сокол.

Знала, о чём говорят за спиной. «Вера слишком привязывается. Не умеет отпускать. Вера возится с полутрусами, которые давно пора отправить в кремацию». Не зло. Правда, которую она не хотела слышать.

Черныш был третьим соколом в этом году. Первый разбился о ЛЭП. Его привезли с проломленным черепом. Вера сидела с ним шесть часов, умер у неё на руках. Она не плакала. Тогда не умела.

Второй — молодой сапсан, которого конфисковали у бра-

коньеров. Отравили свинцом. Тоже умер.

Третий был Черныш. Она не могла допустить, чтобы он стал третьим.

Вера медленно подняла руку в перчатке. На ладони лежал кусок сырого мяса. Тёплый, потому что она грела в кулаке. Протянула руку вперёд, не глядя на сокола. Ладонь открыта, пальцы расслаблены.

Она не говорила ни слова. Это с людьми она говорила. С птицами — нет. Птицы не понимают слов. Читают тело, дыхание, ритм сердца. Вера замедлила дыхание. Сердце ровно билось. Она замерла. Задержала дыхание.

Минута. Две.

Черныш повернул голову. Темный глаз блеснул в тумане. Он смотрел на руку, но не двигался. Вера не убирала руку. И не двигалась.

Она вспомнила, как сидела в хосписе у маминой койки. Тоже ждала и не двигалась. Мать лежала с закрытыми глазами, дышала через раз. Вера сидела и держала её за руку. Не говорила «выздоровливай». Или «не уходи». Просто держала.

Мать умерла, когда Вера вышла за водой. Она вернулась — а мамы уже не было.

С тех пор Вера боялась, уходить.

— Не умрёшь, — прошептала она соколу. — Не здесь. Не в мою смену.

Черныш взмахнул здоровым крылом. Один раз. Шум —

резкий, скрипучий. Вера не вздрогнула.

Птица смотрела на неё. Не на мясо. На неё. Вера сидела неподвижно. Знала, если отведёт взгляд, сокол не поверит. Хищники не доверяют тем, кто боится. Она не боялась. Устала. Но усталость и страх — разные вещи. И пахнут они по-разному.

Черныш неуклюже спрыгнул с насеста. Сломанное крыло волочилось по соломе. Птица не летела — шла, переваливаясь. Три шага. Четыре. Остановилась в полуметре от руки Веры. Сокол наклонил голову. Клюв раскрылся — Вера видела язык, тёмный, вздрагивающий. Птица не брала мясо. Смотрела.

— Я не уйду, — с неподвижным лицом выдохнула Вера. И тогда он клюнул.

Осторожно, пробуя. Клюв сомкнулся на мякоти, но сокол не глотал. Держал кусок, смотрел на Веру, проверял. Та не двигалась. Через секунду сокол проглотил. Вера не вздохнула. И улыбаться не стала. Она ждала.

Черныш взял второй кусок. Третий.

Потом развернулся и медленно, тяжело переваливаясь, пошёл обратно к насесту. Забрался. Закрыв глаза.

Вера убрала руку.

Тело ломило. Она не замечала этого три часа. Теперь каждая мышца кричала. Встала, поправила шину на крыле сокола. Проверила, нет ли крови. Чисто. Вера вышла из вольера и заперла за собой дверь. Серёжа стоял у крыльца. Он курил,

хотя знал, что нельзя. Увидев Веру, затушил бычок.

— Ну что? — спросил он.

— Съел.

— Все?

— Три куса.

Серёжа выдохнул. Не то чтобы облегчённо — скорее, удивлённо.

— Ты чудо, — закончил он, торопливо.

Вера не ответила. Она прошла мимо него внутрь приюта. Коридор пах хлоркой и мокрой шерстью. Из кухни доносился голос Тамары. Она кому-то звонила, жаловалась на погоду.

Вера зашла в свою комнату.

Маленькая келейка с узкой кроватью, книжными полками и виолончелью в углу. Мать говорила: «Ты могла бы жить лучше». Вера не знала, зачем ей жить лучше. Но она знала, зачем ей соколы.

Села на кровать, посмотрела на свои руки.

Пальцы дрожали. Не от холода, от напряжения. Она сжала их в кулак, разжала. Три часа без движения — это много.

И тут она подумала то, что не должна была думать.

«Если этот сокол умрёт, я следующая».

Она не знала, откуда пришла эта мысль. Не планировала её. Не хотела. Но мысль пришла и осталась. Вера смотрела на свои ладони, царапины от когтей, старые шрамы — и понимала, что это правда.

Черныш был не птицей. Последним шансом доказать, что она ещё может спасти.

Если он умрёт, тогда зачем всё? Приют, виолончель, ночные дежурства, форум, где она успокаивает незнакомых людей? Зачем быть живой, если ты никого не можешь удержать?

Вера закрыла глаза.

Перед внутренним взглядом встала мать. Не больная и умирающая. Здоровая, на том берегу Бии, она машет рукой. Вере пять лет, она бежит к матери по песку, спотыкается. Мать смеётся и подхватывает её до того, как Вера падает.

Вера открыла глаза.

Матери нет. Сокол жив. Хотя бы сегодня.

Она взяла телефон. На экране высветилось уведомление. Напоминание. Через три дня форум психологической помощи. Вера вела там анонимный чат для жертв домашнего насилия. Люди доверяли ей.

Она отложила телефон.

За окном серел бесконечный ноябрьский день. Туман не рассеивался — он стал гуще, плотнее. Вера встала, подошла к виолончели. Провела пальцами по струнам. Не играла, слушала, как дрожит металл.

Потом села за стол, открыла ноутбук.

Три новых сообщения на форуме. Она ответила на каждое. Коротко, по делу: «Вы не виноваты», «Это не ваша боль, это его контроль», «Пожалуйста, не возвращайтесь к нему».

Вера писала чужим женщинам то, что никогда не говорила себе.

Закончила. Закрыла ноутбук. Легла.

Спать не хотелось. Она смотрела в потолок и слушала, как за стеной возится Черныш. Птица не спала, перебирала лапами, шуршала соломой.

Значит, жив.

Вера закрыла глаза. Мысль о том, что она следующая, не ушла. Она просто затаилась, как сокол перед прыжком. Спряталась в тёмный угол сознания и ждала.

Вера знала, что однажды с ней придётся встретиться.

Но не сегодня.

Черныш поел. И это было маленькой, хрупкой победой, на которой держался весь её мир. Сегодня.

Она уснула под шорох соломы и далёкий гудок проходящего поезда.

За окном медленно поднимался туман, обнажая мокрые крыши и серое небо. В котором не было ни одной птицы.

Глава 2. ЗВОНОК

Вечер опустился на Бийск рано. В конце ноября темнело уже к четырём. Вера сидела на полу в своей комнате, прижавшись спиной к стене. Виолончель стояла между колен, смычок замер в правой руке.

Она не играла. Думала.

За окном выл ветер. Старый тополь скреб ветками по крыше. Тоскливый звук, который знала наизусть за три года жизни в приюте. Сначала он её пугал. Потом стал частью тишины и пространства.

Вера провела смычком по струнам. Тихий, задумчивый звук поплыл по комнате, упёрся в стены с обоями в цветочек. Вернулся обратно. Она играла Первую сюиту Баха. Ту, которую когда-то разучивала в музыкалке, а потом играла на выпускном. И в день похорон матери.

Не плакала тогда. Сейчас — тоже. Просто пальцы бежали по струнам, а голова жила своей жизнью. Вера вспомнила хоспис.

Палата на втором этаже, окна выходят на липовую аллею. В ноябре липы стояли голые. Мать лежала на койке у окна, худая, прозрачная, с капельницей в синей вене. Вера приезжала каждый день. Сидела на складном стуле, который скри-

пел при каждом движении.

— Вер, а ты играла сегодня? — спрашивала мать.

— Играла.

— Врёшь.

— Немножко.

Мать улыбалась. Даже в последние недели, когда боль стала невыносимой, она улыбалась. Врачи говорили — редкая сила духа. Вера знала: не сила. Привычка. Мать всю жизнь учила её не показывать слабость.

— Ты должна жить дальше, — сказала мать за три дня до смерти.

— Не хочу.

— Глупая. Жизнь — это не только про хотеть. Это про... ну, про то, что ты есть.

Вера не ответила. Мать взяла её за руку. Пальцы у матери были холодными и тонкими, как сухие ветки. Вера держала их, боялась сжать сильнее.

— Ты у меня сильная, — увещивала мать. — Справишься.

Она умерла в шесть утра. Вера вышла за водой, на три минуты. Вернулась — мать уже не дышала. Медсестры сказали, что это быстро, без боли. Вера не поверила.

Она не играла несколько месяцев после этого.

Потом села и сыграла ту же сюиту. От начала до конца. Не плакала. Просто работала правильно.

Сейчас она снова играла. Смычок скользил по струнам,

пальцы левой руки бежали по грифу. Виолончель старая, дешёвая, купленная с рук за восемь тысяч еще тех рублей. Но звук у неё был, как и характер. Густой, печальный. Ровно такой, какой нужен Вере.

Она доиграла до середины и остановилась. Ветер за окном стих. В комнате стало тихо. Только урчал холодильник в коридоре и где-то далеко сердито лаяла собака. Вера поставила виолончель в угол, накрыла чистой тряпкой. Села за нотбук.

Экран осветил её лицо бледным голубоватым светом. Она открыла форум «Помощь рядом» — сайт, где психологи-волонтеры анонимно консультировали жертв домашнего насилия. Вера зарегистрировалась там два года назад. После того, как неожиданно помогла соседке, которую муж избивал три года. Та ушла. Вера поняла, что может делать это системно. Без внутренних противоречий.

Она проверила новые сообщения. Три. Всего.

Первое — от женщины из Новокузнецка. «Он забрал телефон, я не могу позвонить в полицию. Он говорит, что убьёт меня, если уйду. Что мне делать?» Вера ответила: «Если есть возможность — уходите сейчас. Не за вещами, не за документами. Просто выйдите из дома и идите к людям. Полиция примет заявление без документов. Вы не одна».

Второе — от девушки, которая написала пять дней назад.

Вера уже отвечала ей. Та не ответила. Повторная отправка. «Как вы? Я волнуюсь. Если можете — напишите хотя бы "жива"».

Третье — новое.

Отправитель: «хирург_без_границ». Вера открыла сообщение.

«Здравствуйте. Меня зовут Илья. У меня есть сестра. Её муж... я не знаю, как сказать. Он её бьёт. Уже год. Она не рассказывала, я сам увидел. Синяки на руках, на шее. Она говорит, что упала. Верите? Три раза за месяц "упала". Я не знаю, что делать. Я адвокат, знаю законы, но она не хочет писать заявление. Говорит, что любит его. Вы единственный психолог на этом форуме, который отвечает по ночам. Я просто хочу, чтобы кто-то сказал мне — я не сошёл с ума. Это же насилие, да? Это не любовь? Я плачу, когда пишу это. Простите. Пожалуйста, ответьте».

Вера перечитала дважды.

Она видела такие письма. Мужчины редко писали на форум — обычно женщины. Но когда писали, то были сломлены сильнее. Стыд мешал им просить помощь. Этот Илья написал, что плачет. Значит, ему действительно плохо.

Она набрала ответ.

«Илья, вы не сошли с ума. То, что вы описываете — это насилие. Физическое и психологическое. Сестра не уйдёт, пока сама не решит, но вам не нужно ждать. Вы можете помочь ей иначе: зафиксировать побои (сфотографировать, сводить к врачу), найти убежище, куда она сможет уйти в любой момент. Не давите на неё. Просто будьте рядом. И да, плакать — нормально. Вы не обязаны быть сильным 24/7. Спасибо, что написали. Если хотите — продолжим завтра. Я здесь каждый вечер».

Вера отправила сообщение.

Посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. Она сидела за ноутбуком уже час. За окном снова завывал ветер, но теперь казался не таким страшным.

Она хотела закрыть ноутбук, но передумала. Открыла профиль «хирург_без_границ». Пустой. Ни фото, ни постов. Зарегистрирован неделю назад. Вера не удивилась — люди на форуме часто скрывались.

Закрыла.

В комнате было холодно. Батареи в приюте грели плохо — здание старое, хозяин сэкономил. Вера надела флисовую кофту поверх водолазки, натянула шерстяные носки.

Встала, подошла к маленькому столику у кровати. Там стояла фотография матери в деревянной рамке. Снимок сделан за год до смерти — мать в саду, в руках охапка пионов. Она смеётся в объектив. Вера тогда сказала: «Мам, ну улыбнись нормально». Мать ответила: «Это и есть нормально. Я счастлива».

Вера взяла рамку в руки.

— Я всё ещё здесь, мам, — тихо проговорила она. — Ещё помогаю.

Фотография не ответила. Вера и не ждала.

Она поставила рамку на место, легла на кровать, укрылась пледом. Ноутбук оставила открытым — на случай, если кто-то из жертв напишет в четыре утра. Такое бывало. И не раз.

В темноте она смотрела в потолок и думала об Илье. Не о нём — о том, как люди ломаются. Она видела это в форуме каждый день. Женщины, которые боятся собственной тени. Мужчины, которые не могут защитить сестёр и дочерей. Вера помогала им находить слова. Искать выходы. И не сдаваться.

Сама она боялась одного. Что однажды перестанет слышать чужую боль. Станет равнодушной. Как те врачи в хосписе, которые говорили «мы сделали всё возможное» и шли курить в коридор.

Хотя и им это было нужно. Кого тут осудишь. Но Вера не

хотела становиться такой.

Она закрыла глаза. Перед внутренним взглядом снова возникла мать. Не в хосписе — молодая, на берегу Бии. Вера бежит к ней по песку, спотыкается. Мать смеётся и подхватывает до того, как Вера упадёт.

— Поймала, — шепчет мать.

— А если не поймаешь?

— Поймаю. Не бойся.

Вера открыла глаза.

В комнате было темно и тихо. Только ноутбук гудел вентилятором да ветер царапал стены.

Она повернулась на бок, подтянула колени к животу. Вспомнила своё сообщение Илье: «Вы не обязаны быть сильным 24/7». Сама она не умела быть слабой. Не умела просить помощи. Не умела говорить, что «мне плохо».

Мать учила её держаться. Слишком хорошо научила.

Вера уснула под звук вентилятора. Во сне ей снилось, что она стоит на набережной Бии, смотрит на лебедей, которые плавают в полынье. Кто-то берёт её за руку. Вера не видит лица, но не боится.

Тепло.

Впервые за долгое время, просто тепло.

Утром она проснулась, сходила в вольер к Чернышу (птица съела ещё три куска мяса). Серёжа снова сказал, что «ты

чудо». А вечером открыла ноутбук и увидела ответ от «хирург_без_границ»: «Спасибо. Вы единственная, кто ответил. Можно я напишу вам завтра? Просто поговорить».

Вера написала: «Да. Я здесь каждый вечер».

Она не знала тогда, что этот вечер станет первым в цепочке, которая приведёт её к интересному результату. Не знала, что «хирург_без_границ» — может оказаться не тем, кем кажется.

Она просто сидела в своей маленькой комнате, сжимая в руках чужую боль. И даже думала, что это и есть её предназначение. Спасать.

Даже если сама тонет.

Глава 3. ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ МУЖЧИНА

Набережная Бии встретила их тяжелым небом и мелким снегом. Который не падал, а висел в воздухе, превращаясь в мокрую взвесь. Вера пришла на десять минут раньше. Стояла у парапета, смотрела на полынью, где зимуют лебеди-кликуны.

Их было семеро. Белые пятна на тёмной воде. Они двигались медленно, как во сне. Местные говорили, что лебеди не улетают, потому что Бия не замерзает полностью. Вода из Телецкого озера тёплая, и даже в минус тридцать, здесь остаются живые участки. Вера любила смотреть на них. Лебеди казались ей глупыми — остаться в сибирскую зиму вместо того, чтобы улететь на юг. Но красивыми — от этого никуда.

Ветер дул с реки, пробирал до костей. Вера накинула капюшон, спрятала руки в карманы пуховика. На форуме они договорились встретиться у скамейки возле спуска к воде. Илья написал, что приедет на такси из центра.

Она ждала.

За её спиной прошуршали шины по мокрому асфальту. Вера обернулась. Из старого «Логана» вышел мужчина. Высокий, но сутулый, будто пытался стать меньше. Тёмная

куртка, не по погоде лёгкая, нараспашку. Шарф намотан кое-как, конец волочится по земле.

Илья.

Вера узнала его только по тому, что больше никого здесь не было. На фото в профиле он выглядел иначе. Ухоженный, с лёгкой небритостью, которую носят нарочно. Сейчас он был просто небрит. Глаза красные, под ними тёмные круги. Волосы спутаны.

Он увидел Веру и остановился. Сделал шаг, второй. Потом третий — и вдруг его лицо дрогнуло.

— Вы Вера? — спросил он. Голос сел, будто он кричал или плакал. Или и то, и другое.

— Да. Илья?

Он кивнул. И разрыдался.

Прямо там, на набережной, под серым небом и мокрым снегом. Без звука. Просто слёзы текли по щекам, он не вытирал их. Стоял и смотрел на неё, а из глаз текло.

Вера не растерялась. Она привыкла к слезам. На форуме люди плакали словами. Вживую — бывало реже, но тоже случалось.

— Давайте сядем, — предложила она мягко.

Взяла его за рукав и повела к скамейке. Илья сел, уронил голову в ладони. Вера села рядом, но не касалась его. В таких случаях важно не трогать сразу. Сначала — пространство. Человек сам решит, нужен ли ему контакт.

— Простите, — выдавил он сквозь всхлипы. — Я не хо-

тел... Не планировал...

— Ничего страшного. Выплакаться полезно.

Она достала из кармана пачку бумажных платков. Протянула. Илья взял, вытер лицо. Нос покраснел, глаза опухли. Теперь он выглядел не просто уставшим, он выглядел сломленным.

Вера ждала.

Заговорил сбивчиво, глотая окончания, перескакивая с одного на другое. Сестра. Её муж. Синяки. Она врёт, что упала. Он живёт в другом городе, не видел год. Приехал в гости — и увидел. Синяки на шее, руках, рёбрах. Он спросил, она сказала — сама. Он не поверил. Следил за мужем. Увидел, как тот толкнул её в коридоре. Она упала. Встала и вдруг, начала извиняться.

— Она извинялась, — потрясенно повторял Илья. — Понимаете? Упала, потому что он её толкнул. И просила прощения, перед ним.

Вера слушала. Не перебивала. Кивала, когда нужно. Глаза у неё были спокойными и тёплыми. Она не знала этого человека, но чувствовала его боль. Настоящую, не выдуманную.

— Я пробовал с ней говорить, — продолжал Илья. — Она не слышит. Говорит — он хороший, он устаёт на работе, у него стресс. А у неё гематомы доходят чуть не до костей. Я не знаю, что делать. Я могу засудить кого угодно, но она не даёт показаний. Не пишет заявление. А если я напишу без неё — она откажется. И его не посадят. Он её убьёт. Я это вижу.

Он замолчал. Смотрел на полыню, где лебеди перебирали крыльями.

— Я нашёл ваш форум случайно. Прочитал все ваши ответы. Вы единственная, кто не пишет «уходите» как заклинание. Вы пишете про страх. Про то, что нельзя давить. Я подумал, если кто-то и сможет помочь, то только вы.

Вера молчала. Она слышала это много раз. Люди искали не решение. Они искали разрешение на свои чувства. Им нужно было, чтобы кто-то сказал: «Ты не сумасшедший, это правда. И больно».

— Вы не сумасшедший, — подтвердила Вера. — И вы правы. Если сестра не готова уйти — вы не сможете её заставить. Но вы можете быть рядом. Фиксировать побои. Можете найти убежище, куда она сможет уйти в любой момент, когда решится. Не давите — будьте тихой опорой. Но, будьте.

Илья поднял на неё глаза. Красные, опухшие, но в них появилось что-то живое.

— А если она не решится?

— Тогда вы будете знать, что сделали всё. И это не ваша вина. И жизнь, не ваша.

Илья замер. Губы задрожали снова, но он сдержался. Смотрел на Веру так, будто увидел впервые.

— Вы даже не представляете, — тихо сказал он. — Как я вас искал.

Он взял её за руку.

Пальцы у него были холодные. Вера не отёрнула руку.

Сжала в ответ. Не сильно, чуть заметно. Жест, который говорил: «Я здесь. Я слышу».

— Я буду помогать вам, — пообещала Вера. — Не говорю, что получится сразу уговорить сестру. Но можно попробовать. Давайте договоримся, вы присылаете мне всё, что узнаете. А я говорю вам, как действовать. И вы сможете обратиться ко мне в любое время. Хорошо?

Илья кивнул. Сглотнул.

— Спасибо, — сказал он. — Вы даже не представ...

— Знаю, — перебила Вера мягко. — Я знаю.

Они посидели ещё несколько минут. Молча. Снег пошёл сильнее. Теперь он не висел в воздухе. Падал крупными хлопьями, ложился на плечи, на шапку Ильи, на капюшон Веры. Лебеди на воде сбились в кучу, грели друг друга.

Илья встал первым.

— Мне пора, — сказал он. — Поезд через час.

— Вы из другого города?

— Из Новосибирска. Приехал на день. Думал, если не встречу с вами сейчас, не решусь больше.

Вера кивнула.

— Пишите на форуме. Я отвечаю каждый вечер.

Илья посмотрел на неё долгим взглядом. Потом развернулся и пошёл к дороге, где его ждало такси. Шарф волочился по мокрому асфальту. Вера хотела окликнуть, поправить. Не стала.

Смотрела ему вслед.

Илья дошёл до машины, открыл дверцу. Обернулся. Стоял с открытой дверцей, смотрел на Веру. Не махнул рукой. Не улыбнулся. Просто смотрел.

Вера помахала ему.

Илья сел в такси. Машина уехала.

Вера осталась одна на набережной. Снег падал на её лицо, таял и стекал каплями за ворот. Холодно. Она не замечала.

В голове крутилась его последняя фраза. «Вы даже не представляете, как я вас искал». Станные слова. Слишком сильные для первого знакомства. Но Вера списала их на боль. Если человек страдает, он говорит громче, чем думает.

Она постояла ещё минуту, глядя на лебедей. Те успокоились, расправили крылья. Один из них, самый крупный, смотрел прямо на Веру. Она улыбнулась ему.

— И ты туда же, — побранилась она.

Повернулась и пошла к остановке. Снег скрипел под ботинками. Город жил своей обычной жизнью. Машины сигналили в пробке, где-то играла музыка из открытой двери кафе. Бойкая бабушка с палкой переходила дорогу, ругаясь на гололёд.

Обычный день в Бийске.

Но Вера чувствовала себя иначе. Не теплее — объёмнее, что ли. В её жизни появилось ещё одно измерение. Человек, который в ней нуждался. Мужчина, который плачет. Не боится показать слабости. Просит помощи. Что-то ей мешало. Казалось странным. Ну да ладно. Успеется разобраться.

Она села в маршрутку, прижалась лбом к холодному стеклу. За окном проплывали улицы — Советская, Ленина, потом частный сектор, затем поворот на Петра Мерлина.

Вера закрыла глаза.

Перед ней снова был Илья. Красные глаза, дрожащие губы, холодные пальцы, сжимающие её руку. Она вспомнила, как он сказал «я вас искал». Почему-то это слово — «искал» — задело её сильнее, чем «помогите» или «спасите».

Искал.

Значит, он думал о ней до того, как написал. Читал её ответы другим. Выбрал именно её. И приехал за двести километров, чтобы встретиться.

Вера открыла глаза.

Не позволяла себе думать о таких вещах. Она была помощницей. Психологом-волонтером. Она не должна была чувствовать ничего, кроме профессионального участия.

Но она чувствовала.

Маршрутка остановилась у приюта. Вера вышла, поднялась на крыльцо. В коридоре пахло супом — Тамара снова наварила на всю неделю. Из вольера доносилось тихое уханье. Филин проснулся и требовал ужин.

Вера зашла к себе, села на кровать. Ноутбук на столе мигал лампочкой. Пришло новое сообщение.

Она открыла.

«хирург_без_границ»: «Вера, спасибо. Спасибо, что пришли. Вы не представляете, как много это для меня значило.

Я напишу вам завтра. Хорошего вечера».

Вера не ответила. Закрыла ноутбук.

Она знала, что завтра напишет. И послезавтра. Илья станет частью её вечеров. Её ритуала. Она будет читать его сообщения, отвечать, думать. О нём.

Она была счастлива, что кому-то нужна. За окном темно. Снег падал на крыши домов, пустые улицы, замёрзшую землю, которая ждала весны. Как Вера ждала нового сообщения.

Глава 4. ПОДАРОК

Через месяц после встречи на набережной Илья пригласил Веру к себе. Не в гостиницу, не в кафе — домой. Он сказал: «Хочу показать тебе кое-что. Это важно».

Прозвучало как в фильме о маньяках или о юном ловеласе. По наблюдениям, Илья не был ни тем, ни другим.

Вера долго собиралась. Перемерила три свитера, остановилась на тёмно-зелёном — мать говорила, что ей идёт. Нанесла лёгкий макияж, тут же стёрла. Нанесла снова. Она не волновалась, беспокоилась. Точнее, боялась. Не Ильи — себя. Чувств, которые за месяц стали вдруг выросли в нечто, похожее на привязанность.

Он заехал за ней на серебристом «Мерседесе». Вера не разбиралась в машинах, но поняла — дорогая. Около приюта таких не видели.

— Присаживайся, дорогая, — предложил Илья, улыбнувшись.

Теперь он выглядел лучше, чем в первый раз. Отдохнувший, гладко выбритый, в тёмно-синем свитере из мягкой шерсти. Только глаза остались прежними — внимательными и глубокими. Слишком. Вера списывала это на издержки профессии. Все-таки адвокаты привыкли смотреть в самую суть.

— Ты и сегодня очень красивая, — обернувшись, сказал он, когда она пристегнулась.

— Я всегда одинаково хороша, — ответила Вера, и они оба засмеялись.

Ехали через весь Бийск. Мимо старого драматического театра, парка Победы, набережной, где лебеди всё ещё плавали в полынье. Снег за месяц не растаял. Только уплотнился, стал жёстким и скрипучим.

Илья жил на верхнем этаже новой высотки на проспекте Ленина. Дом из красного кирпича с панорамными окнами. Неплохо. Таких в Бийске было мало, они казались пришельцами из другого города. Да и из другой жизни.

Лифт пах деревом и дорогим освежителем. Вера чувствовала себя неловко в пуховике и зимних ботинках посреди этого лоска. Илья взял её за руку. Пальцы тёплые, уверенные.

— Не бойся, — шепнул он. — Это просто дом.

Дверь открылась, и Вера замерла.

Квартира была огромной. Для Бийска — космической. Просторная гостиная с огромными окнами, из которых открывался вид на заснеженную Бию. Тёмный паркет, мягкая мебель, на стенах — картины. Не репродукции. Настоящие, в тяжёлых рамах.

— Ты здесь один живёшь? — растеряно спросила Вера.

— Один.

— И тебе не страшно?

— Чего бояться?

Вера не ответила. Она не знала, как объяснить. Ей было бы страшно от такого простора. Комната при приюте — девять квадратных метров, окно выходило на стену соседнего склада. Привыкла к тесноте. Дышать было легко и трудно одновременно.

— Пойдём, — Илья повёл её по коридору, придерживая за талию.

Они остановились перед дверью из матового стекла.

— Закрой глаза, — попросил он.

Вера послушалась. Илья взял её за плечи и осторожно повёл вперёд. Шаг, второй, третий. Потом открыл дверь.

— Открывай.

Вера открыла глаза и забыла, как дышать.

Это была музыкальная комната. Стены обшиты звукопоглощающими панелями, на полу — тёплый ковёр. Идеальная акустика. Она чувствовала её кожей. Тихое гудение пустоты, которая умела хвучать. В углу — массивный пуф, на стене — несколько нотных рамок.

А в центре стояла она.

Виолончель.

Вера сразу узнала её. Модель «Ruggieri», копия старинного инструмента. Корпус из клёна, гриф из чёрного дерева. Настоящие, ручная работа. Такие стоят не просто дорого. Как машина или квартира, или несколько лет жизни.

Вера медленно подошла. Провела пальцами по деке. Де-

рево было тёплым, живым. Она чувствовала, как оно отвечает на прикосновение, как вибрирует от её дыхания.

— Это тебе, — вкрадчиво проговорил Илья. Голос спокойный, будто он дарил не драгоценную виолончель, а коробку конфет. Правда, от известного стилиста и шоколатье.

Вера обернулась. Глаза увлажнились.

— Ты не можешь...

— Могу.

— Это слишком дорого. Я не могу принять.

— Ты не принимаешь. Я дарю.

Он подошёл и встал рядом. Не касался — просто близко стоял. Она чувствовала его тепло, запах парфюма. Лёгкий, древесный, с оттенком кожи и чуть табака, почти неуловимый.

— Я хочу, чтобы ты была там, где тебе хорошо. — Илья сделал приглашающий жест. — Каждый день. Чтобы ты занималась, когда почувствуешь в этом необходимость.

— Откуда ты знаешь, где мне хорошо? — Вера пыталась удержаться в нейтральном положении, не зависимо от внешних обстоятельств.

— Я вижу. Ты светишься, когда говоришь о музыке. Становишься другой. Свободнее. Легче. Начинаешь мечтать. Мне это нравится, дорогая.

Вера отвернулась. Пальцы нервно подрагивали. Она провела смычком по струнам — звук поплыл по комнате. Чистый, глубокий. Даже без настройки виолончель пела своим

чудесным голосом.

Вера заплакала.

Не истерично. Слёзы потекли по щекам, и она не вытирала их. Илья не утешал. Обошелся без глупых: «Не плачь». Стоял рядом. Ждал. Выглядел гордым. И счастливым.

— Мама мечтала, чтобы у меня был такой инструмент, — тихо выдохнула Вера. — Она говорила: «Ты достойна большего, чем эта развалюха». Я смеялась. Говорила, что не нужен. А теперь...

Она замолчала.

— Теперь он у тебя есть, — закончил за неё Илья.

— Зачем ты это делаешь?

— Потому что я могу дать тебе, то, что ты действительно заслуживаешь. Полёт. Доверься мне.

Вера смотрела на него сквозь слёзы. В голове беспокойно билась мысль. Слишком быстро, красиво. Так не бывает. Она знала это по форуму. Идеальные мужчины оказывались самыми опасными.

Но она смотрела на виолончель и не могла думать о плохом.

— Да, — решила она. — Я доверяю. Тебе.

Илья улыбнулся. Взял её руку, поднёс к губам. Но не поцеловал, просто коснулся дыханием. Вера почувствовала, как по спине побежали мурашки.

— Пойдём, покажу остальное.

Он провёл её по квартире. Гостиная с камином (насто-

ящим, дровяным). Кухня с огромным столом, за которым можно уместить десять человек. Спальня — широченная кровать, бельё цвета слоновой кости, приглушённый свет.

— Ты будешь жить здесь, — сказал Илья. Не спросил — сказал. — Со мной.

— Я не могу бросить приют.

— Зачем тебе приют? Я построю тебе студию. Будешь лечить птиц онлайн. Играть. Писать музыку. Делать что захочешь.

— Я должна работать.

— Ты будешь работать. На себя. А я обеспечу возможность.

Вера хотела возразить, но слова застряли в горле. Она посмотрела на свои руки — пальцы в трещинах, под ногтями грязь после вольеров. Руки, которые три года боролись за каждую птицу. И за каждый рубль. Как и за каждый день. Чтобы кто-то выжил.

Она устала.

Бездна этой усталости открылась в ней так внезапно и полно, что Вера не смогла противостоять. Она стояла посреди роскошной спальни и понимала, что хочет, чтобы о ней кто-то позаботился. Возьмет её за руку и скажет: «Отдыхай».

Илья сказал именно это.

— Ты заслужила отдых, — произнёс он. — Ты столько спасала других. Теперь позволь спасти тебя. Совсем немного.

Вера кивнула.

Не сказала «да» вслух и «нет» не сказала. Кивнула, и этого оказалось достаточно.

Вечером они ужинали на кухне. Илья готовил сам. В идеальном кителе шеф-повара. Паста с морепродуктами, белое вино. Он рассказывал про Новосибирск, адвокатскую практику, сестру. Та всё ещё не решалась уйти, но уже задумывалась. Он шутил смешно и достаточно тонко. Вера слушала и ловила себя на мысли, как давно не было такого вечера. Тёплого. Домашнего.

Вот только он ни разу не спросил про неё. Вера сочла это деликатностью.

Поздно ночью они лежали в постели. Вера впервые за долгое время засыпала не одна. Илья обнимал её со спины, дыхание было ровным и спокойным. Она чувствовала его тепло. Слушала, как за окном шумит ветер.

— Спокойной ночи, — прошептала она.

Илья не ответил. Она решила, что он уже спит.

Вера закрыла глаза и провалилась в сон. Ей снилась мать. Молодая, счастливая, она держала в руках виолончель и говорила: «Видишь? Я говорила, что ты достойна». Вера улыбалась во сне.

Илья не спал.

Он перебрался в кресло в углу спальни. Тёмный силуэт на фоне окна. Смотрел на Веру не мигая. Лицо его было спокойным. Ничего, кроме ожидания.

Запоминал, как она дышит. Как вздрагивают ресницы. Руки, сломленные работой и горем, лежали поверх одеяла — беззащитные, открытые.

Илья сложил свои руки на коленях и опять замер.

«Котёнок радуется теплу» — подумал он и нежно улыбнулся. Он даже испытывал что-то вроде симпатии. Он всегда умел ждать. В спальне было тихо. Только часы на тумбочке отсчитывали секунды. Илья смотрел на Веру, а она улыбалась во сне.

Где-то за окном на набережной Бии лебеди сбились в кучу на полынье. Снег падал на их белые спины, таял и стекал в тёмную воду.

Пришло обычное хмурое утро. Илья всё ещё сидел в кресле. Вера проснулась, увидела его и спросила:

— Ты не спал?

— Не смог уснуть, — ответил он. — Смотрел на тебя. Ты такая красивая, когда спишь. И просто не представляешь, сколько приключений ожидает нас впереди.

Вера улыбнулась и пожала плечами. Приключений? Станный прогноз событий для двух взрослых людей. Да и бог с ними. С прогнозами. Главное же, чтобы человек был хороший. Не так ли?

Глава 5. РАЙСКАЯ ПТИЦА

Чемодан стоял у порога. Один. Вера не нажила за три года ничего, кроме старой виолончели, ноутбука и двух смен белья. Остальное — казённое, приютское. Она оставляла его с лёгким сердцем.

Илья ждал внизу в машине. Двигатель работал, из выхлопной трубы валил белый пар — декабрьское утро было морозным. Градусов двадцать. Вера последний раз оглядела свою комнату. Голые стены, пустые полки. На тумбочке всё ещё стояла фотография матери. Вера сунула её в рюкзак.

— Вера Андреевна, — голос Анны Борисовны заставил её обернуться.

Директор приюта стояла в дверях, скрестив руки на груди. В телогрейке, резиновых сапогах, с неизменной сигаретой в зубах. Она не курила здесь, нельзя. Просто держала.

— Уходишь?

— Ухожу, — подтвердила Вера.

— Насовсем?

— Надолго.

Анна Борисовна молчала. Вещи, инструмент в чехле, пустые стены. Она всё это видела. Не в первый раз. Девчонки приходили и уходили. Кто-то в лучшую жизнь, кто-то в другую. Анна Борисовна не гадала.

— Мужик этот, — спросила она. — Хирург? Или все-таки адвокат?

— Пластический хирург в прошлом. Теперь он адвокат. Второе образование, переквалификация.

Травма военного периода. «Врачи без границ».

— Странно все это. Не находишь? — Анну Борисовну было так просто не свернуть. Если ей казалось, что что-то не так. А ей казалось.

— Пластический, не пластический — мне всё равно. Ты его знаешь?

— Знаю.

— Сколько?

— Месяц.

Анна Борисовна вынула сигарету изо рта, повертела в пальцах.

— Месяц, — повторила она. — И ты переезжаешь к нему. Бросаешь работу. Ты, которая три года тащила на себе этих птах. И не только этих, птах.

— Анна Борисовна, я устала.

— Я знаю, что ты устала. Я тоже устала. Но мужик за месяц — это не решение, бегство. В никуда. И от себя.

Вера не ответила. Она не хотела ссориться. Анна Борисовна была для неё наставницей и другом — грубой, резкой, но справедливой. Сейчас Вера не хотела слышать о справедливости. Ей хотелось тишины.

— Я буду лечить. Онлайн, — нехотя пояснила она. — Ра-

бота по специальности. Илья обещал построить студию.

— Построить. Конечно. А как же. Веришь?

— Поверю. Чуть позже.

Анна Борисовна вздохнула. Спорить не стала — не в её характере. Протянула руку, Вера пожалала. Ладонь у директора приюта была шершавой, как наждак.

— Если что — возвращайся, — увещевала Анна Борисовна. Но без фанатизма. — Место не обещаю, но ночевать где-нибудь найдем.

— Не придётся.

— Дай-то бог.

Вера вышла во двор. Илья стоял у машины, держал дверцу открытой. Увидел её, улыбнулся.

— Всё?

— Всё.

Он помог ей уложить чемодан и инструмент в багажник. Вера села на переднее сиденье, пристегнулась. Приют остался за спиной. Во всей своей притягательной живости. Облупленное крыльцо, вольеры с птицами, заснеженный двор.

Вера не обернулась. Плохая примета.

Дом Ильи стоял в пригороде, в сторону Чуйского тракта. Коттеджный посёлок назывался «Лесной берег». Два десятка домов из бруса и кирпича, каждый с участком и гаражом. Снег здесь чистили лучше, чем в городе. Дороги аккуратно посыпали песком.

— Нравится? — спросил Илья, когда они заехали за шлаг-

баум.

— Красиво, — кивнула Вера. И это было правдой.

Дом внутри оказался ещё лучше, чем запомнилось с первого раза. Гостиная с панорамными окнами, из которых виден лес. Камин, который топили дровами — запах берёзы стоял по всему первому этажу. Мебель тёмная, массивная, дорогая.

Вера чувствовала себя странно не к месту. Ей не шли такие, удобства.

Илья провёл её на второй этаж. В комнату, которую называл: «Твоей». Не спальня — комната. С отдельным выходом на маленький балкон, с окном на восток. Инструмент он бережно поставил в угол, рядом с музыкальным центром.

— Здесь будешь заниматься, — удовлетворенно сказал он. — Но студию я обещал, студию сделаем. Как только выберем проект.

— Илья, спасибо. Тебе.

— Не надо благодарить. Это теперь и твой дом.

Он поцеловал её в лоб. Легко, почти по-отечески. Вера поймала себя на мысли, что и это странно. Месяц назад он плакал у неё на плече. Теперь вёл себя как хозяин. Не грубо — заботливо. Покровительственно. Разница чувствовалась.

Вечером она позвонила Анне Борисовне. Трубку взяли не сразу.

— Слушаю.

— Анна Борисовна, это Вера.

— Поняла. Чего звонишь? Устроилась?

— Видимо.

Вера молчала, подбирая слова.

— Я хочу попрощаться по нормальному. Спасибо за всё. За работу, комнату. За то, что не выгнали, когда я только пришла. Терпели.

— Выгонять было некого, — буркнула Анна Борисовна.

— Ты одна работала, остальные — шабашники.

— Всё равно. Спасибо.

— А ты вернись, если что. Я серьёзно.

— Вернусь. Но в гости.

— Ну-ну.

Разговор не клеился. Анна Борисовна не умела говорить о чувствах. Только о деле. Вера это знала. И ценила. Но сейчас ей хотелось услышать хоть что-то тёплое. Близкое.

— Черныш как? — спросила она.

— Жрёт. Серёжка его кормит.

— А филин?

— Филин орёт. Как обычно.

— Передавайте им привет.

— Передам. Ты там это... береги себя. Вер. Осторожней. Мало ли...

Анна Борисовна повесила трубку первой. Вера посмотрела на экран. Разговор длился полторы минуты. Она уволилась после трёх лет работы. Полторы минуты.

На кухне Илья разливал вино.

— Всё хорошо? — спросил он, не обращиваясь.

— Да. Прощаюсь с прошлым.

— Правильно. Нужно смотреть вперёд.

Они ужинали при свечах. Илья рассказывал про новый проект. Он полностью вел административную работу сам. Клинику расширял, открывал отделение косметологии. Вера слушала, кивала, ела утку с яблоками. Всё было вкусно. Красиво. И достойно.

И все-таки что-то было не так.

Она не могла понять, что именно. Может быть, его благодушие? Он больше не плакал. Не говорил про сестру и не казался сломленным. Теперь он был собранным, уверенным, даже властным. За такой короткий период, такие фундаментальные изменения. С чего бы это?

— Ты сегодня какая-то задумчивая, — заметил Илья.

— Просто устала.

— Отдохни завтра. Никуда не выходи.

— Мне нужно в приют...

— Зачем? Ты уволилась.

— Вещи забрать.

— Мы всё забрали.

— Но там остались мои записи. Тетради. Дневники.

Илья поставил бокал.

— Вера, ты теперь дома. Здесь. Приют — прошлое. Не таскай его за собой.

Она хотела возразить, но он улыбнулся. Слова застряли.

Улыбка была тёплой и нежной.

— Хорошо, — решила Вера. И тоже улыбнулась. — Завтра не пойду.

— Вот и умница.

После ужина они сидели в гостиной. Илья работал за ноутбуком, Вера листала книгу. Не читала, просто водила пальцем по строчкам.

— Можно твой телефон? — спросил Илья, не поднимая головы.

— Зачем?

— Посмотреть, не звонила ли сестра. Мы с ней договорились созвониться, а у меня аккумулятор сел.

Вера протянула телефон. Илья взял, разблокировал. Она сама показала пароль на прошлой неделе. Полистал немного.

— У тебя сообщение от Серёжи, — подсказал он.

— Да? Что пишет?

— Спрашивает, как ты. И ещё какую-то ерунду. — Илья помолчал. — Он же молодой?

— Девятнадцать.

— А пишет тебе: «Привет, красавица».

— Это он так шутит. Ко всем так обращается. К уборщице Никифоровне тоже.

Илья положил телефон на стол. Посмотрел на Веру. Спокойно, не мигая.

— Я не хочу, чтобы тебе писали «красавица», — огорченно сказал он. И сжал пальцами переносицу, как при голов-

ной боли. — Даже в шутку.

Вера растерялась.

— Илья, это просто мальчишка. Волонтёр.

— Я не запрещаю. Ни в коем случае. Прошу. Переписываться — пожалуйста. Но без фамильярностей. Ты же не на работе. Ты дома. В семье.

Он произнес это так мягко, что у Веры не возникло желания спорить. Ни малейшего. Она кивнула.

— Хорошо, — согласилась она. — Я поговорю с ним.

— Не надо. Просто не отвечай. Или ответь сухо. Отстраненно. Он поймёт.

Вера снова кивнула. Ей не понравился предмет разговора, но списала все на ревность. Они только что съехались. Илья её любит. Конечно, он ревнует. Это нормально.

Нормально же?

Позже, когда она поднималась на второй этаж, Илья окликнул её:

— Вера.

— Да?

— Ты сегодня была в зелёном свитере. Очень изысканно.

— Спасибо.

— Но вырез слишком. Глубокий. На будущее, лучше носи с водолазкой. Так комфортнее.

Она посмотрела на себя. Обычный свитер, вырез чуть ниже ключиц. Ничего откровенного.

— Хорошо, — опять согласилась она.

Вошла в свою комнату, закрыла дверь. Села на кровать, обхватила колени руками.

В комнате было тепло, пахло деревом и лёгким ароматом лаванды. Милое саше висело у изголовья. В углу стояла виолончель. Новая. Дорогая. Подарок, о котором она не смела мечтать. И который она не просила. Но приняла.

Она встала, взяла смычок, провела по струнам. Звук поплыл — чистый, глубокий. Но пальцы не слушались. Она сбилась через такт, перестала. Снова начала. Опять сбилась.

Пальцы не слушались. Не от холода. От непонятного напряжения, которое поселилось в груди.

Вера отложила смычок. Села на пол, прислонившись спиной к стене. Посмотрела на виолончель. Инструмент стоял в углу. Безупречный, дорогой, чужой.

Она чувствовала себя не дома. Не в уютном гнездышке, у любимого.

В ограниченном пространстве. В клетке.

Красивой, тёплой, местами уютной. Клетке.

За стеной Илья ходил из угла в угол. Шаги уверенные, тяжёлые. Вера слушала, наклонив голову, и вспоминала его лицо. Когда он говорил про вырез. Не напряжённое. Почти расслабленное. Такое, что не хочется спорить. Ясно дающее понять: «Я знаю лучше».

Она закрыла глаза.

«Ты просто выдумываешь, — убеждала она себя. — Чу-

жой дом, большой, непривычный. Многое не так. Пройдёт. Привыкну»

Но в глубине, там, где прятались страхи, шевельнулось что-то тёмное.

Странно знакомое. О чем ей приходилось слышать и говорить множество раз за последние годы. Но вот это чужое чувство опасности, совершенно не хотелось примерять к себе. Тем более сейчас.

Когда ей впору было считать себя райской птичкой, лишенной проблем и сложностей. В ежедневной круговерти выживания и выживающих.

Но ведь клетка тоже может быть райской. Если не знать, что есть еще небо.

Вера легла на кровать, не раздеваясь. Смотрела в потолок. За окном падал снег. Крупный, густой, как будто хотел все вокруг укутать белым одеялом.

Где-то там, на набережной Бии, лебеди спали в полынье. Прижавшись друг к другу, спрятав голову под крыло. Было холодно, но они не замерзали. Знали, что вода под ними тёплая, даже в минус двадцать.

Вера завидовала им. Они были уверены в том, что чувствовали. И что подсказывали инстинкты и жизненный опыт.

А ей было слишком тепло. И впервые за долгое время, спокойно. Почти. Как в теплице, где цветы растут быстрее, чем нужно. Правда и умирают, если открыть форточку не

вовремя.

Она закрыла глаза и провалилась в тяжёлый сон без сновидений. А утром проснулась и первым делом погладила инструмент по лаковому изогнутому боку. Пальцы подрагивали.

Она заметила, но не поняла — почему.

Глава 6. ТЫ НЕПРАВИЛЬНО ПОМНИШЬ

Прошло две недели.

Вера привыкала к новой жизни медленно, как к протезу. Всё было на своих местах — дорогая мебель, тёплые полы, камин по вечерам. Илья готовил ужины, включал музыку, говорил правильные слова. Она даже не скучала по приюту. Почти.

Но иногда, когда он уходил на работу, Вера садилась на пол в своей комнате и смотрела на виолончель. Играть не получалось. Пальцы застывали над струнами, мысли путались. Она чувствовала, что с ней что-то не так. Вот только не могла объяснить — что.

Вечером они ужинали на кухне. Илья рассказывал про клинику. Какого он чудного специалиста привлек, такая сложная операция, пациентка после маммопластики, все довольны. Вера слушала вполуха. Она ждала удобного момента, чтобы сказать.

— Илья, — перебила она.

— Да?

— В субботу я встречусь с Леной.

— С Леной?

— Подруга. Мы учились вместе. Она приезжает из Барнаула.

Илья положил вилку. Посмотрел на Веру очень доброжелательно. Как всегда.

— Вы договаривались?

— Да. Она написала. Встречаемся в кафе на Советской.

— Странно, — рассеянно ответил Илья и стал смотреть в окно. — Она же отменила.

Вера замерла.

— Что?

— Лена отменила встречу. Ты мне сама говорила, вчера вечером. Ладно, забудь.

— Я не говорила.

— Как это? Мы сидели в гостиной, ты сказала: «Лена загружена, переносим встречу».

Вера встряхнула головой. Она помнила вчерашний вечер иначе. Они смотрели фильм. Илья держал её за руку. Они не говорили про Лену. Точно, она не говорила. Или не помнила.

— Илья, я не помню этого.

— Ну конечно, брось. Ерунда какая, — Он усмехнулся устало. — Ты в последнее время такая рассеянная. Нужно договориться, об обследовании. Тебе нужно позаниматься собой. Всерьез. Забываешь всё подряд.

— Я не рассеянная.

— Милая, ты забыла, где оставила ключи. Помнишь, искала? А про ужин, в среду? Мы договорились поужинать. В

среду? И ты забыла про звонок, от сестры. Или просто, не хотела с ней общаться. Не страшно, у всех бывает. Да и я согласен с тобой. Сестра, прямо скажу, извини, тяжелая особа. Я тебя понимаю.

Он взял маленькую изящную кофейную ложечку, и аккуратно, без лишних звуков, размешал сливки в чашечке косяного фарфора. Вынул, и не упустив ни капли, положил ложечку на край блюда.

— Я очень тебя понимаю. Ты можешь на меня полностью положиться. Никаких нежелательных тебе встреч со стороны навязчивых людей не будет. Особенно, когда это тебе неприятно. Только я тебя очень прошу. Не нужно придумывать то, чего нет. В этом нет необходимости. Я и так буду тебя защищать и оберегать твой покой. А все эти встречи, в твоих фантазиях... Я начинаю беспокоиться. Сильно. Ты очень мне дорога. Я люблю тебя, Вера. Всей душой. И готов многим пожертвовать для твоего спокойствия и здоровья. Просто, знай это.

Вера смотрела на него, пытаясь поймать фальшь. Но лицо Ильи было открытым, даже озабоченным. Он волновался за неё.

— Может, ты зря перестала заниматься? — спросил он мягко. — Музыка успокаивает нервы. Настраивает на положительное восприятие реальности. Ты слишком много страдала.

— У меня нет нервов.

— У всех есть нервы, Вера. Особенно у тех, кто работал в приюте. Ты столько лет спасала умирающих. Птиц. И других. Это не проходит бесследно.

Она хотела возразить, но сначала не нашла слов. А потом, не стала их искать.

После ужина Вера поднялась на второй этаж. Достала телефон, открыла переписку с Леной. Сообщение было: «Встречаемся в субботу в 15:00, у «Красного дракона»? Вера ответила: «Да, жду».

Она перечитала дважды. Встреча не отменялась. Вера спустилась вниз, протянула телефон Илье.

— Посмотри. Лена не отменяла. Встреча в субботу.

Илья взял телефон, пролистал. Лицо его не изменилось.

— Вера, — прожурчал он очень по-доброму. — Ты мне веришь? Ты сама сказала, что она занята. Может быть, она написала тебе, после? Просто, ты забыла обновить переписку.

— Я не забывала. Не забываю. И не забуду. Я взрослый, самостоятельный человек.

— Отлично. Давай не будем спорить. Если хочешь поехать и убедиться — хорошо. Я же не возражаю.

Он отдал телефон и ушёл в кабинет. Вера осталась стоять в коридоре, сжимая в руке холодный корпус. В растерянности.

В её голове были две картинки. Вчерашний вечер — фильм, рука Ильи, тишина. И сегодняшний разговор. Он го-

ворит, что она что-то говорила. Отменила встречу. Она этого не помнила. И, почти уверена в том, что она этого не говорила. А вдруг?

А если, он прав? И она забыла?

Вера села на ступеньку лестницы. Обхватила голову руками. Воспоминания были зыбкими, как дым. Она пыталась поймать вчерашний вечер — детали, звуки, слова. Но всё расплывалось. Как во сне. Илья подошёл сзади. Она не слышала шагов. Дом устлан мягкими коврами и покрытиями.

— Милая, ты чего? — забеспокоился он. Сразу же протянул руки и нежно начал массировать ее шею. Не забывая легко касаться губами затылка и плечика. — Расстроилась?

— Нет. Я просто...

— Устала! Ты просто, устала. И все. Пойдём, я заварю тебе чай.

Он протянул руку. Вера взялась. Илья потянул её вверх. Чуть сильнее, чем нужно. Она потеряла равновесие, каблук скользнул по ступеньке.

И Вера полетела вниз.

Чудом удержалась. Вцепилась в перила, дёрнулась, ударила плечом о стену. Птичья привычка, все в своих когтях. Быть готовой каждую минуту. Сердце ухнуло в пятки. Она стояла, тяжело дыша.

— Боже, — бросился к ней Илья. — Ты в порядке?

— Почти. Чуть не упала.

— Внимательнее, дорога. — Он погладил её по спине.

Осторожно поцеловал в висок. — Ты такая неосторожная последнее время. Тебе надо отдохнуть.

Вера смотрела на него. Он выглядел встревоженным. Участливым. Не мог же он специально? Подтолкнуть.

Она осмотрела свои ноги — каблук цел. На ступеньки — ковровая дорожка, нескользкая.

— Я не удержалась, — сообщила она. И отметила, про себя, как мягко кружится ее голова. И предметы вокруг теряют свое четкое очертание. Прямо метеозависимость какая-то.

— Бывает. Пойдём чай пить.

Они зашли на кухню. Илья заварил ромашку, поставил перед Верой красивую чашку с ароматным содержимым. Сел напротив и смотрел, как она пьёт.

— Знаешь, — заботливо доверился он. — Переживаю за тебя, последнее время. Правда.

— Не нужно переживать.

— Нужно. Я же люблю тебя.

Вера подняла глаза. Он говорил это не впервые. Три слова, простые, желанные. Тяжёлые, как гравий.

— Я тебя тоже, — искренне ответила она.

Илья улыбнулся. Но улыбка не дошла до глаз. И Вера что-то там заметила. На миг. Даже испугаться не успела. Потом решила, что ошиблась. Ударилась, когда падала.

Ночью Вера не спала.

Она лежала на боку, смотрела в стену. А Илья спал рядом, на этот раз. Ему на спину падал лунный свет из окна. Дышал

ровно, глубоко. Вера прислушивалась к своему телу. Плечо болело там, где ударилась о стену. Наливался синяк. Не слабо так.

Она прокручивала вечер заново.

Разговор про Лену. Он говорил: «Ты сама отменила». Она не отменяла или не помнила этого. И переписка не врала. Не давала усомниться. Значит, врал Илья? Или просто был так уж уверен. В себе?

Потом лестница. Она расслаблена и огорчена. Шаг, рывок, скольжение. Неужели она сама?

Вера закрыла глаза.

Воспоминания разбегались, как мокрые листы. Она не могла склеить их в целую картину. Всё распадалось на куски. Она распадалась, не он. С ней что-то происходило. Она не помнила, чтобы когда-то была так несобрана и ранима одновременно.

Он был цельным. Уверенным. А она тонула в мелочах и странных моментах, которые не могла объяснить. Она изменилась. Совсем. И не могла больше управлять своими чувствами и разумом. И самое главное—она не чувствовала себя больше—собой.

«Может, я действительно схожу с ума?» — думала Вера.

Она вспомнила мать. Та тоже забывала разные вещи в последние месяцы. Но у матери был конкретный диагноз. И прогноз. Выведенный серьезными профессионалами. Вера для этого сделала все. До последнего сольдо, господи.

И у матери ничего не болело. Только в голове — туман, который сгущался каждый день.

Вера села на кровати. Илья не проснулся.

Она вышла в коридор, спустилась на первый этаж. В гостиной горел ночник. Теплый, жёлтый свет. Вера села на диван, подтянула колени к подбородку.

Включила телефон.

Переписка с Леной по-прежнему висела нетронутой. Вера набрала сообщение: «Ты не отменяла встречу?». Отправила.

Ответ пришёл через минуту.

«Нет. А что? Ты передумала? Что-то случилось? Почему не спишь?»

«Нет. Всё в силе».

«С тобой всё нормально?»

«Да. Спи. Спокойной ночи».

«Спокойной».

Вера выключила экран. Посидела в темноте.

Лена не отменяла и не была занята. Значит, Илья ошибся. Или она ошиблась? Но как можно ошибиться в том, чего не было? А может быть, никто не ошибся. Просто, кто-то хотел, чтобы она начала сомневаться. В себе?

Она поднялась наверх, легла. Илья повернулся, обнял её нежно, тепло спросонья, прижал к себе.

— Ты где? — пробормотал он.

— Воды попила.

— Спи.

Она закрыла глаза. Чувствовала его тепло, слышала сердцебиение. Всё было как в хорошем сне — тёплое, безопасное. Он сонно начал двигаться. Все больше подчиняя ее себе, и она соглашалась. И вот уже он был над ней, и полностью владел и ею и ситуацией. Все ускоряя темп. И настаивая, а она уступала. Даже неожиданно для себя. В том, где не собиралась.

Почему же ей было так страшно?

Потом он ушел в душ, спустился в кухню. Она слышала звук холодильника.

Почему-то она больше не верила себе. Не знала, что правда, а что — нет. Теперь каждое утро просыпалась с чувством, что вчерашний день был не её. Чужой, снятый кем-то другим в дрянном старом кино.

Вера перебирала в голове диалоги. Фразу про Лену. Толчок на лестнице. Спокойное лицо Ильи, которое говорило: «Ты неправильно помнишь».

«Может, я неправильно помню?»

И вот эта фраза пробила ее насквозь. Мысль была ядовитой. Она проникала в каждую клетку, оседала в костях. Вера пыталась вытолкнуть её, но та возвращалась — навязчивая, липкая.

С этой фразы начинали свой рассказ о нелегкой жизни все феи, обращающиеся к ней, как к волонтеру на горячей линии.

Она знала, что это называется газлайтинг. И тогда, Илья

делает это специально. Она знала только одно, что за очень короткий период перестала быть собой. Вместо неё жила другая женщина — рассеянная, забывчивая, неуклюжая. Несчастливая, которую нужно жалеть и контролировать.

Но как же так! Вопило все ее несчастное женское достоинство. Он же любит меня. Лучший секс в моей жизни. Мне же с ним повезло. Он обо мне заботится! Черт вас всех дери! Это не могло случиться со мной! Только не со мной!

И только, возьми вас сатана, не он!

И только где-то очень глубоко внутри ее головы. Сидел в темном углу сокол с разбитым о ЛЭП черепом. Смотрел на нее изнутри затянутыми пленками глаз. И разевая страшный кровавый клюв хрипло кричал ей в мозг: «Очнись! Очнись! Спасайся!»

Утром Илья поцеловал её в лоб и ушёл на работу. Вера осталась одна в большом доме.

Она подошла к виолончели. Провела пальцами по струнам. Инструмент молчал. Она не знала, что ему сказать. Села на пол и заплакала. Тихими, сухими всхлипами, без слёз — она разучилась плакать по-настоящему. Не эстетично и вообще, ни к чему.

Она знала, что самое страшное впереди. Что это — только начало. Сомнения в себе — лишь первый шаг в пропасть.

Возможный сценарий прост. Илья вернётся вечером.

Спросит, почему у неё красные глаза. Скажет: «Ты слишком много плачешь в последнее время, это вредно». Предложит выпить успокоительное.

Вера выпьет.

Потому что уже не уверена — вдруг, он прав. Может, она действительно слишком остро реагирует. И всё в порядке.

Она забудется недолгим беспокойным сном. Проснется в ночи. И будет перебирать в голове диалоги. Её слова, его слова. Только один вопрос останется без ответа:

«С кем я живу — с человеком, который меня любит, или с тем, кто пытается овладеть мной полностью. Не сексуально. Вообще, полностью. По кусочкам, медленно продвигаясь вперед»

Вера не знала. И признавалась себе честно. Она боялась узнать.

Глава 7. КОНФЕРЕНЦИЯ

Метель началась в пять утра. Вера стояла у окна кухни, смотрела, как снег залепливает стёкла. Илья ещё спал. Она не включала свет — боялась разбудить.

Конференция в Барнауле начиналась в одиннадцать. Вера узнала о ней месяц назад, ещё когда жила в приюте. Регистрацию оплатила заранее. Три тысячи рублей, половина её прошлой зарплаты. Она не сказала Илье.

Сначала не сказала, потому что хотела сделать приятное. Показать, она не бросила профессию. Ей интересно. Потом не сказала, боялась его реакции. Последние две недели дом стал душным. Илья не запрещал ей ничего. Прямо. Но каждый её порыв натывался на мягкое: «А может, не надо?».

Вера надела джинсы, свитер, пуховик. Зарядила телефон, положила в рюкзак паспорт и деньги. Маршрутка на Барнаул отходила с автовокзала в половине восьмого. Она успеет, если выйдет сейчас.

На лестнице она остановилась. Прислушалась. Тишина. Илья спал на втором этаже, дверь в спальню была закрыта.

Вера вышла на крыльцо. Снег скрипел под ногами, мороз щипал щёки. Она не оглядывалась.

Автовокзал Бийска встретил её запахом горячих пирожков и табака. Вера купила билет, села в маршрутку у окна.

Рядом — женщина с ребёнком, позади — двое мужиков в камуфляже. Говорили громко, про цены на уголь.

Маршрутка тронулась. Бийск остался за спиной. Частный сектор, потом трасса, затем белое поле до горизонта. Метель не утихала, дворники разметали снег, водитель ругался шёпотом.

Вера смотрела в окно и чувствовала себя сбежавшей из заключения.

Она не понимала, почему. Дом Ильи был красивым, тёплым и безопасным. На первый взгляд. Он кормил её вкусной едой, дарил подарки, говорил ласковые слова. Но каждое утро Вера просыпалась с мыслью: «Надо уехать». Отдавала себе отчет, что с ней что-то происходит. Она становится как бы своей более замедленно версией. Мысли трансформировались, были тягучими и плоскими. Как тянучки, сладкая память детства. И каждое утро уговаривала себя остаться.

Конференция проходила в старом здании педагогического института. Вера опоздала на пятнадцать минут, но успела к первому докладу. Тема: «Поведенческая терапия хищных птиц в неволе».

Она села в последний ряд. Докладчик — мужчина из Новосибирска, с усами и в очках. Рассказывал про обогащение среды для соколов. Вера слушала и вспоминала Черныша. Как сидела с ним в вольере три часа. Как он клюнул. А Серёжа сказал: «Ты чудо».

Скучала.

Не по бедности, холоду, стенам, где дуло из всех щелей. По делу. Тому чувству, когда ты нужна не как женщина-партнёр, а как специалист. Квалифицированный и уважаемый.

После первого доклада Вера вышла в коридор. Там былолюдно. Человек пятьдесят, все свои. Орнитолого, ветеринары, волонтеры. Несколько новых лиц, столичные специалисты. Она знала многих, чувствовала себя среди них дома. С ней раскланивались, кое-кто подходил здороваться. Спрашивали, где она и что делает. Потеряли.

— Вера? — окликнула её женщина в синем пуховике.

— Да?

— Вы Вера Соколова? Зоопсихолог из Бийска?

Вера удивилась. Она не была знаменитостью.

— Я вас знаю по форуму, — подсказала женщина. — Вы помогли моей сестре. Спасибо вам.

Вера не знала, что ответить. Она работала со многими, не запоминала имён. Особенно, если все заканчивалось удачно.

— Пожалуйста, — улыбнулась она.

— Вы сейчас где работаете?

— Нигде. В декрете, — легко соврала Вера. — Но скоро выйду.

Она не знала, зачем соврала. Наверное, чтобы не объяснять про Илью, дом, почему она бросила приют.

Второй доклад был про лебедей-кликунов на Бие. Вера

слушала и думала о том, что жизнь разделилась на «до» и «после». «До» — она была нужна многим. «После» — только одному человеку.

Она вышла из здания в четыре часа. Метель усилилась. Вернуться в Бийск нужно было до темноты, иначе Илья начнёт звонить.

Она села в маршрутку, достала телефон. Сорок семь пропущенных.

Все от Ильи.

Вера похолодела. Она поставила телефон на беззвучный перед конференцией и забыла включить. Она смотрела на экран, на красные цифры. Понимала, что он знает.

Маршрутка тронулась. Вера не перезванивала. Она сидела и смотрела на снег за окном. Как он узнал? Элементарно. Геолокация.

Он поставил на её телефон приложение. Она не давала разрешения. Он сделал это сам. Скорее всего ночью, когда она спала. Вера вспомнила, как он брал её телефон «проверить сообщения». Долго возился с настройками.

Она теперь четко разобралась в своих чувствах. Она вовсе не злилась. Боялась. Его.

Дом встретил её темнотой. Вера зашла, разулась, повесила пуховик. В гостиной горел только камин. Илья сидел в кресле, лицом к двери. Он не встал.

— Привет, — нейтрально поздоровалась Вера.

— Почему?

Голос безучастный. Слишком спокойный.

— Я ездила в Барнаул. На конференцию.

— Я знаю, где ты была. Спрашиваю — зачем?

— Хотела послушать доклады. Вспомнить. Восстановиться в профессии.

Илья молчал. Камин потрескивал, огонь разметал тени по стенам. Вера стояла посреди гостиной, чувствуя себя нашкодившей девочкой.

— Ты мне не сказала, — произнёс он наконец.

— Боялась твоей реакции.

— И правильно боялась. Я против. Таких внезапных мероприятий.

Он встал. Медленно подошёл к ней. Остановился в шаге. Вера удивленно смотрела в его глаза — пустые, холодные, ничего не выражающие. Это был не тот Илья, который плакал на набережной. И не тот, который дарил виолончель. Здесь был кто-то другой.

— Я не запрещаю тебе работать, — жестко и четко выговорил он. — И прошу одного — говорить мне правду.

— Я сказала правду.

— Ты говорила: «Поеду в магазин. Может быть». Я проверил геолокацию. Ты была на трассе, по пути в сторону Барнаула. Ты не отвечала, пока ехала. Значит, врала мне.

— Я не врала. Я просто не сказала.

— Это то же самое.

Вера молчала. Она знала, что спорить бесполезно. Он пе-

рекрутит любые её слова, сделает её виноватой. Она научилась определять сценарий. Давно.

— Прости, — согласилась она. И не опустила глаза.

— Иди ужинать. Я согрел суп.

Развернулся и ушёл на кухню. Вера стояла, не веря себе. Всё? Просто: «Иди ужинать»? Она ждала крика, скандала, чего угодно. Но он говорил спокойно.

Ужинали молча. Илья ел суп, смотрел в телефон. Вера не могла проглотить ни ложки.

— Ты хотела вернуться к работе? — спросил он, не поднимая головы.

— Да.

— Зачем?

— Я зоопсихолог. Это моё призвание. Не хочу, чтобы меня дисквалифицировали, и я потеряла профессию.

— Твоё призвание — быть счастливой. Я даю тебе всё. Дом, деньги, любовь. Зачем тебе работать?

— Чувствовать себя полезной.

— Ты полезна мне. Разве этого мало?

Вера не ответила.

После ужина она поднялась на второй этаж, в свою комнату. Хотела закрыться, но дверь не запиралась. В доме не было замков. Илья говорил: «Мы семья». Приватность не приветствовалась.

Она села на кровать, обхватила колени. Нужно было заниматься. Она обещала себе заниматься ежедневно. Но пальцы

не слушались. Они просто не хотели касаться струн. И прилагать усилия для извлечения звуков из инструмента.

Илья зашёл без стука.

— Не играешь? — резко спросил он.

— Не могу.

— Потому что не хочешь. Или потому что не умеешь? Не способна?

Вера подняла голову. Он стоял в дверях, опираясь плечом о косяк. В руке — бокал с вином. Пил один. Демонстративно.

— Умею и могу, — спокойно, сохраняя нейтральный тон, ответила она. — Но не сейчас.

— Сейчас самое время. Играй.

Вот это уже был не вопрос. Приказ. Распоряжение.

Вере потребовалась минута для принятия решения. Потом она встала, подошла к виолончели. Села на стул, взяла смычок. Пальцы легли на струны — привычно, на автомате. Первые такты звучали чисто, но руки подрагивали.

— Хорошо, — снизил накал Илья. — Продолжай.

Она играла. Смычок скользил по струнам, пальцы левой руки бегали по грифу. Но звук был не тот — зажатый, робкий. Она боялась ошибиться. Не хотела, при нем.

— Ты сбилась, — огорченно заметил Илья.

— Нет.

— Да. На третьем такте.

Он подошёл и встал за её спиной. Вера почувствовала его

дыхание на шее.

— Дальше!

Продолжила. Пальцы совсем перестали слушаться — путались, нажимали не на те струны. Она остановилась.

— Не могу, — выдохнула она.

— Можешь. Просто не хочешь. Для меня, не хочешь.

— Илья, пожалуйста, оставь меня.

Она хотела встать, но он положил руки ей на плечи. Тяжело, уверенно.

— Зато ты хочешь вернуться к работе, — размеренно произнес он. — Ты хочешь быть независимой. Ты хочешь, что? Уйти от меня?

Вера молчала.

— Отвечай.

— Нет. Я не хочу уходить. Но я хочу работать. Вернуться в профессию.

— Я тебе не верю.

Он развернул её лицом к себе. Вера смотрела в его глаза. Теперь чёрные, глубокие, как прорубь.

— Ты никуда не пойдёшь, — неожиданно гаркнул он ей в лицо. — Ты останешься здесь. Будешь играть. Для меня. Может быть, родишь. И будешь послушной девочкой. Поняла?

Вера попыталась встать, но он прижал крепче, за плечи. Пальцы сжались больно, до хруста.

— Илья, прекрати. Мне больно.

— А мне больно видеть, как ты разрушаешь наше счастье. И мою жизнь!

Она дёрнулась. Он схватил её за правую руку. Ту, которой она играла. Пальцы Веры лежали на струнах, беспомощные, открытые. Илья сжал их в кулаке. Сильно, до треска суставов.

— Осторожно! — вскрикнула Вера. — Не надо!

— Что, не надо? — прошипел он ей в лицо. — Любить тебя? Заботиться о тебе?

Боль становилась невыносимой. Вера чувствовала, как сухожилия растягиваются. И слышала треск. Не кричала — не могла. Из горла вырвался хрип.

— Ты будешь играть только для меня, поняла? — пробормотал Илья, внезапно успокаиваясь. Теперь голос был ровным, почти ласковым. — Поняла?

Она кивнула. Он разжал кулак.

Вера отдернула руку. Кисть распухла мгновенно. Красная, горячая, каждый сустав заболел так, что закружилась голова. Она смотрела на свои пальцы и не верила, что они ещё двигаются. Шевельнула, боль резанула до локтя.

Илья встал, поправил свитер.

— Ложись спать, — распорядился он. — Завтра будет новый день.

Он вышел.

Вера осталась одна. Сидела на стуле, сжимая правую руку левой. Точно пыталась удержать её на месте. Пальцы опух-

ли, стали похожи на сосиски. Красные, бесформенные. Она шевелила ими по одному. Большой двигался. Указательный — еле-еле. Средний не гнулся совсем.

Она не плакала.

Смотрела на руку и не понимала, что произошло. Он хотел сделать ей больно? Наказать? Или просто не рассчитал силу?

Нет. Рассчитал. В том то и дело, что всё рассчитал.

Он не сломал пальцы, просто сильно сжал. До отёка и того состояния, когда играть невозможно. Но не до перелома. Потому что со сломанными пальцами ей нужен будет врач. А тот станет задавать вопросы. Это не приятно и может привести к негативным последствиям.

Илья рассчитал все. Или нет?

Вера поднялась. Подошла к окну. За стеклом метель мела по-прежнему. Снежные вихри кружились в свете уличного фонаря. Где-то там, за этой белой стеной, был мир. Приют. Лебеди на набережной. Анна Борисовна. Черныш.

Она не могла к ним вернуться. Не смогла бы объяснить, что с ней случилось. Не смогла показать руку. Это было бы не честно, по отношению к ним. Она их просто бросила, когда ей предложили кусок послаще. Значит... Ей нужно справиться самой. Как-нибудь.

Вера села на пол, прислонилась спиной к стене. Смотрела на распухшую кисть. Которая лежала на коленях чужая, не своя.

Она не выйдет.

Ни сейчас, ни завтра, ни через месяц. Потому что он делает так, что она не сможет. Сломает её по кусочкам — не кости, а волю. И каждый кусочек будет болеть так же, как сейчас болят пальцы.

Вера закрыла глаза.

Где-то в доме ходил Илья. Его шаги были размеренными. Он не злился, скорее был доволен. Удовлетворен.

А она сидела на полу в своей красивой комнате, прижимала к груди больную руку и впервые за последнее время хотела умереть.

Потому что не было выхода. Или ей так казалось.

Глава 8. ЗИМНИЙ ЛЕС

Прошло три дня после конференции. Вера почти не выходила из комнаты. Рука распухла ещё сильнее. Пальцы стали похожи на варёные сосиски, сине-багровые, горячие. Она прикладывала лёд, заматывала эластичным бинтом, но боль не уходила. Илья заходил каждый вечер, садился на край кровати, гладил её по голове. Она стала шарахаться от него.

— Прости меня, — покаянно говорил он. — Я не хотел. Просто люблю тебя слишком сильно.

Вера молчала. Она научилась молчать. Слова кончились. Зато пришло странное упрямство. Она не хотела больше на него смотреть. И в груди росла странная решимость.

На четвёртый день Илья зашёл в комнату утром. Вера ещё спала. Точнее, лежала с закрытыми глазами, потому что сон не приходил. Она слышала, как ходил по комнате, открывал шкаф, что-то доставал.

— Вставай, — мягко сказал он.

Она открыла глаза. Илья стоял у кровати, держал в руках пуховик.

— Поедем, подышим воздухом. Ты давно не выходила.

— Не хочу, — отказалась Вера.

— Надо подышать свежим воздухом. Развеяться.

Положил пуховик на кровать. Вера села, посмотрела на

свою руку. Пальцы не сгибались, она не могла даже застегнуть молнию.

— Помоги, — попросила она.

Илья застегнул пуховик, натянул ей на голову шапку. Вера надела сапоги — правой рукой, левая висела плетью.

— Пойдём, — позвал он.

Машина стояла у крыльца, заведённая. Илья сел за руль, Вера — рядом. Они выехали со двора, повернули в сторону Чуйского тракта.

— Куда мы едем? — спросила Вера.

— Подышать.

Она не стала спрашивать дальше.

Город кончился быстро. Вместо фонарей — темнота. Вместо асфальта — снег, который дворники сгребали в плотные валы по обочинам. Илья вёл машину уверенно, не снижая скорости.

— Ты знаешь, — сказал он, не глядя на неё. — Я много для тебя сделал. Дом, виолончель, любовь. Всё, о чём ты могла мечтать.

— Знаю.

— А ты мне благодарна?

— Да.

Врала. Она врала уже две недели. Каждое утро и вечер. Правда была опаснее. Могла его разозлить всерьёз. А она опасалась его злости. И хотела выгадать благоприятный момент.

Они ехали уже минут сорок. Дорога стала хуже — колдобины, снежные заносы. Вера смотрела в окно. Ни огней, ни домов, ни машин. Только лес — чёрные редкие стволы сосен на белом фоне. Как шрамы.

— Куда мы едем, Илья?

— Уже скоро. Не волнуйся.

Он свернул на просёлок. Машину заносило, колёса рыли снег. Илья ругался, включил полный привод. Они пробирались ещё километра три. Остановились.

Глухой лес. Ни души. Вокруг — только сосны и снег.

— Выходи, — приказал Илья.

Вера посмотрела на него.

— Зачем?

— Выходи, я сказал.

Она открыла дверь. Мороз ударил в лицо. Злой, минус двадцать пять. Вера сделала шаг, второй. Снег был по колено.

Илья вышел, с другой стороны. Обошёл машину, встал напротив неё. В руках были её ключи и телефон.

— Ты не ценишь того, что имеешь, — проговорил он. — Хочешь свободы. Вот твоя свобода.

Он размахнулся и швырнул ключи в сугроб. Телефон — следом. Потом подошёл к Вере и стянул с неё пуховик. Она не сопротивлялась. Пуховик упал в снег. Осталась футболка и домашние штаны.

— Илья, пожалуйста, — попросила Вера. — Там же минус

двадцать пять.

— Хотела свободы? Получай.

Он сел в машину, завёл двигатель. Вера стояла по колено в снегу и смотрела на него через стекло. В одной футболке

— Илья, что ты делаешь? Не оставляй меня здесь. Я же замёрзну.

Он опустил стекло.

— Ты и так для всех мертва, — проклокотал он. — Иди к маме.

Машина рванула с места, взрыхлила снег, вылетела на дорогу. Вера смотрела вслед, пока красные габариты не исчезли за поворотом.

А потом она упала.

Не от слабости. Он прав. Она мертва. Для приюта, Анны Борисовны, Лены. Всех, кто её знал. Он отрезал её от мира. Телефон, ключи, друзья, работа. И теперь последнее. Она сама.

Вера лежала в снегу. Футболка промокла мгновенно, холод добрался до кожи. Она не дрожала. Что было плохим знаком. Мать говорила: «Если перестал дрожать — значит, скоро конец».

Она смотрела на небо.

Звёзды были яркими, холодными. Проглядывали через верхушки. Не грели, ничего не обещали. Висели в чёрной пустоте и смотрели вниз. На женщину в футболке, которую бросили тут. Видимо, умирать.

Вера подумала о матери.

Мать лежала в хосписе, держала её за руку, говорила: «Ты справишься». Она не справилась. Провалилась в чужую жизнь, отдала себя человеку, который оказался монстром. Мать была бы разочарована.

Потом Вера подумала о Черныше. О том, как сидела с ним в вольере три часа. Как он клюнул. Она сказала про себя: «Если этот сокол умрёт, я следующая».

Сокол выжил.

А она — нет.

Вера попыталась встать. Ноги не слушались. Пальцы онемели, ступни превратились в два ледяных следа. Она приподнялась на локтях, посмотрела вокруг. Лес. Снег. Тишина. Ни дороги, ни машины, ни человека.

Она легла обратно.

Закрыла глаза.

Снег падал. Мелкий, колючий. Таял на щеках и замерзал снова. Вера чувствовала, как холод поднимается по ногам, добирается до живота и груди. Сердце билось медленно, нехотя. «Так даже лучше», — вяло подумала она.

Ей не хотелось возвращаться в дом, где Илья ждёт её. Не хотелось играть на виолончели. Не хотелось улыбаться, говорить спасибо, делать вид, что всё хорошо.

Снег падал. Вера лежала неподвижно. Где-то в лесу ухнула сова — один раз, коротко. Вера открыла глаза. Посмотрела в темноту.

«Птицы не умирают просто так», — вспомнила она чьи-то слова. Может, Анны Борисовны. Может, и свои.

— Я не птица, — прошептала Вера.

Губы не слушались. Слова вышли нечёткими, замёрзшими.

Она снова закрыла глаза.

Холод стал тёплым. Странное чувство. Как будто её укутали в одеяло. Организм сдаётся. Последнее, что он дарит — ложное тепло. Мать рассказывала. Вера не верила. Теперь знала.

— Иду к тебе, — выдыхала она.

Снег падал. Метель закручивалась меж сосен, заметала следы. Через час здесь не останется ничего. Только сугроб, в котором кто-то найдёт тело. Весной.

Вера не хотела бы, чтобы нашли.

Просто исчезнуть. Стать частью леса, снега и тишины. Не думать, не чувствовать, не бояться.

Она лежала и слушала, как затихают звуки. Просто — пусто. Будто из неё вынули стержень, и она сложилась. Тряпичной куклой.

Пальцы на правой руке всё ещё болели. Даже сквозь холод и сон чувствовалось. Вера попробовала пошевелить ими. Не получилось. «Какая разница», — думала она сонно.

Ветер стихал. Снег падал прямо, без наклона, засыпал её волосы, плечи, грудь. Она подумала о том, что не сделала. Не доиграла сюиту. Не попрощалась с Чернышом. И Анне

Борисовне «спасибо» так и не сказала.

Она закрыла глаза. Просто лежала и ждала, когда придёт тишина. Без мыслей, страха и боли.

В лесу было тихо.

Вера не знала, сколько прошло времени. Где-то далеко ухнула сова.

Вера хотела улыбнуться, но не смогла. Губы замёрзли. Она закрыла глаза и провалилась в пустоту. Чёрную, тёплую, обещающую покой.

Спать и не просыпаться.

И она спала.

А снег падал, падал и падал.

Глава 9. ПОЛЗИ!

Она очнулась от того, что кто-то кричал. Далеко, но голос был знакомым. Вера не могла разобрать слов. Только раскатывающийся звук, похожий на сирену или вой агрегата. Потом поняла, что это она сама стонет.

Снег засыпал её наполовину. Футболка превратилась в ледяную корку, штаны промёрзли насквозь. Вера не чувствовала ног. Вообще ничего, кроме тошнотворной пульсации в правой руке.

Она открыла глаза. Вверху — чёрное небо, звёзды. Слева и справа — сосны. Под спиной — снег.

«Жива», — подумала Вера. И это было худшим, что она могла о себе узнать.

Она не помнила, как уснула. Не помнила, сколько прошло времени. Час? Два? Полночи? Тело не слушалось, но голова работала. Такая пытка. Мысли возвращались, как собаки на бойню. Илья, его лицо над ней, сжатые пальцы, пуховик, летящий в снег. Фраза: «Иди к маме».

К маме.

Мама умерла. Вера почти обрадовалась. «Ползи», — вдруг сказал мозг.

— Зачем? — спросила Вера вслух. Севший голос хрипел, рвался.

«Ползи к дороге. Дура. Ползи и все»

Вера приподняла голову. До дороги было метров пятнадцать. Туда, где снежная целина переходила в укатанную колею. Там, наверное, ходят машины. Иногда.

Она хотела, чтобы всё кончилось. Но тело уже двигалось — само, без её участия. Вера подтянулась на локтях, волочила ноги. Снег забивался под футболку, таял от тепла кожи и замерзал снова.

Локоть. Локоть. Локоть.

Она ползла. Не к жизни — к смерти. Если лечь поперёк дороги, водитель не успеет затормозить. Всё кончится.

Локоть. Локоть. И еще. И еще.

Вера вспомнила мать. Ту, которая умерла, когда Вера вышла попить воды. А она же говорила, что Вера справится. А вот и нет.

Мать ждала её там. Наверное, ждала. Ну должен же быть кто-нибудь, кто бы ждал ее. Хотя бы там! Она вспомнила. Сокол. С разбитым черепом. Смотрел на нее.

— Иди ко мне, — прошептала Вера. Это был не её голос — мамин. Или ей показалось.

Локоть. Локоть.

Снег кончился. Дорога. Вера выползла на укатанный наст, твёрдый и скользкий. Лёд обжёт ладони. Она подтянулась ещё раз, второй, третий.

И легла поперёк.

Руки вытянула вдоль тела, лицом вверх. Закрыла глаза.

Теперь только ждать. Скоро должна проехать машина. Кто-то поедет в Бийск или из Бийска. Водитель не увидит её в темноте. Колесо. Хруст. Всё.

«Так даже лучше», — думала Вера. И проваливалась. Вниз. В пустоту. В тишину.

Она лежала и слушала. А откуда-то изнутри сокол смотрел на нее. И начинал разевать свой кровавый клюв. Шипел на нее. Как гнал куда-то.

Метель утихла. Ветер больше не выл. Шуршал по снегу, перегоняя мелкие крупинки. Где-то в лесу треснула ветка. Потом снова тишина. Глубокая, зимняя. Мёртвая.

Вера ждала.

Она начала замерзать по-настоящему. Тело боролось. Она ненавидела его за это.

«Ну же, — подгоняла она. — Ну, кто-нибудь».

И тогда вдалеке появился свет.

Сначала крошечная точка, потом две — фары. Они прыгали по ухабам, приближались. Вера смотрела на них и не двигалась. Машина шла медленно — по такой дороге быстро не поедешь. Но достаточно быстро, чтобы не заметить человека на снегу.

Фары били в глаза. Вера не жмурилась. Пусть не успевает.

Шум мотора нарастал. Вера различала уже не свет, а силуэт — высокая машина, УАЗ, наверное. Она шла прямо на неё.

«Сейчас», — подумала Вера. И зажмурилась. В ее голо-

ве сокол бросился на нее кровавым клювом и страшными огромными когтями. В лицо. И тогда она вдруг закричала. От испуга и неожиданного нападения. Может быть просто: «АААААААААААА». И вскочила. Сама не знала, как.

Мотор взревел — водитель нажал на тормоз. Визг, скрежет, машину занесло. УАЗ крутанулся на льду, вильнул и остановился в метре от Веры. Ближе. Она чувствовала тепло радиатора.

Тишина.

Вера лежала с закрытыми глазами. Слышала, как хлопнула дверца. Как скрипнул снег под тяжёлыми ботинками. Шаги приближались.

Потом над ней кто-то наклонился. Она чувствовала его дыхание — тёплое, живое. От мужчины пахло дымом и старой кожей. Он не говорил. Стоял и смотрел.

Вера открыла глаза.

Над ней лицо — грубое, скуластое, с глубокими морщинами вокруг глаз. Нос сломан. Короткая борода. Один глаз светлее другого. На щеке — шрам от скулы до подбородка.

Мужчина не улыбался. В его взгляде не было ни жалости, ни страха.

— Жива, — сказал, как выплюнул он.

Голос низкий, хрипловатый, без эмоций.

— Значит, кому-то нужна. Даже если не себе.

Вера хотела сказать «нет», но не смогла. Губы не слушались. Вместо слов из горла вырвался клекот. Мужчина при-

сел на корточки. Посмотрел на её руки — распухшие, синие. На ноги — босые? Она потеряла сапоги, когда ползла. Не заметила.

— Далеко ты так не уползёшь, — удивленно заметил он.
— И жить долго не будешь.

Он снял с себя овчинный полушубок. Накинул на Веру — тяжёлый, пахнувший псиной, табаком и машинным маслом. Тепло ударило в лицо. Сильно. Оглушило.

Мужчина подхватил её под мышки и потянул.

Вера оказалась лёгкой — он даже не крикнул. Прижал её к себе, одной рукой держал за спину, другой придерживал голову. Она уткнулась лицом ему в шею. Кожа была горячей, шершавой.

— Чего, — ворчал он. — Успеешь ещё. Держись давай.

Понёс к машине. Вера чувствовала, как он идёт. Шаги тяжёлые, уверенные. Снег хрустел под ногами. Потом открылась дверца, запахло бензином и железом. Мужчина уложил её на заднее сиденье, накрыл полушубком.

Вера лежала и смотрела в потолок УАЗа. Грязный, в пятнах. Где-то сбоку лежал рулон брезента, валялись перчатки.

— Как тебя зовут? — спросила она. Еле слышно.

— Марат.

— Ты меня переехал?

— Нет. Остановился.

— Зачем?

Мужчина — Марат — не ответил. Он забрался на води-

тельское сиденье, завёл двигатель. УАЗ дрогнул, развернулся и покатил по дороге.

— Зачем? — повторила Вера.

— Я же сказал. Ты жива — значит, кому-то нужна.

— Я не нужна никому.

Марат молчал. Только глянул в зеркало заднего вида. Глаз его мелькнул, почти бесцветный.

— Мне, — сказал он. — Сегодня — мне. Нужна.

Тепло от полушубка разливалось по телу, пальцы на ногах начали оттаивать. Это было больно. Очень. Вера застонала.

— Терпи, — буркнул Марат. — Боль — это хорошо. Значит, живая.

Машина тряслась на ухабах. Вера лежала, прижимая к груди больную руку. Перед глазами плыли круги. От усталости, холода. От того, что она не понимала, куда её. Теперь.

— В больницу? — просипела она.

— Нет. Далеко. Семьдесят километров. По бездорожью. Не довезу. Помрешь.

— Куда?

— Ко мне.

Вера закрыла глаза. Ей стало всё равно. В тюрьму, психушку, лес. Всё лучше, чем лежать на снегу и ждать смерти. И слушать сокола с разбитой головой.

— Марат, — позвала она.

— Что?

— Я хотела, чтобы ты меня переехал.

— Догадался.

— Почему -- нет?

Молчание. УАЗ перевалил через очередной ухаб, Вера скатилась по сиденью.

— Я егерем работаю, — ответил Марат. — Животных берегу. Ты чем хуже?

Вера хотела обидеться, но не смогла. Где-то внутри, под слоем холода и боли, шевельнулось что-то тёплое. Не надежда — так, её отдалённый звук.

УАЗ ехал по темноте. Вера смотрела на потолок и слушала, как стучат колёса. Ей казалось, что она умерла и попала в чистилище. А молчаливый мужчина со шрамом — её проводник.

Она не знала, куда он её везёт. И что будет завтра.

И впервые за много дней — может, за много недель — ей не хотелось знать.

Просто быть.

Живой. Здесь.

Она закрыла глаза и провалилась в темноту. В этот раз без снов, страхов и голоса матери. Только мотор, тряска и тяжёлая рука, которая держала руль.

Вера теряла сознание. И понимала, что происходит. Но думала, очнётся. Потому что кто-то сказал: «Ты жива — значит, кому-то нужна».

Небо над УАЗОМ накренилось. И ударило ее. Все.

Глава 10. ИЗБУШКА

Сознание возвращалось кусками. Сначала звуки. Треск печки, шипение дров, далёкий ветер за стеной. Потом запахи. Дым, скипидар, старая шерсть. И только потом — боль.

Вера застонала, не открывая глаз. Боль была везде: в ногах, пальцах, лице. Горела, будто её облили кипятком.

— Тихо, — рывкнул кто-то рядом.

Голос низкий, хриплый. Она уже слышала его раньше. В лесу. Над собой.

— Где я? — прохрипела Вера.

— У меня.

Она открыла глаза.

Потолок из тёмных досок. В углу, печка-буржуйка, раскалённая добела. Вокруг неё плясали оранжевые блики. Вера лежала на чьей-то кровати. Жёсткой, узкой, застеленной старым армейским одеялом. Под головой — подушка, набитая чем-то неприятно шуршащим.

Она попыталась сесть и не смогла. Тело не слушалось. Руки и ноги были перевязаны. Бинты, шины, марля. Вера посмотрела на правую кисть. Пальцы распухли, пульсировали болью, но теперь они были аккуратно зафиксированы деревянными пластинами.

— Лежи, — приказал мужчина. Кажется, его звали Марат.

Сидел на полу, прислонившись спиной к печке. Перед ним на разостланной газете лежало ружьё разобранное по деталям. Марат чистил ствол, не смотрел на Веру.

— Что со мной? — жалобно спросила она.

— Ничего хорошего. Пострадали ноги, лицо, пальцы на руках. Мороз такой!

— Я не чувствую ног.

— Пока. Потом почувствуешь.

Вера посмотрела на свои ноги. Они были замотаны в какие-то тряпки, поверх которых Марат намотал бинты. Пальцы торчали по отдельности, распухшие, страшные.

— Вы врач? — спросила Вера.

— Бывший военный медик.

— А сейчас?

— Егерь.

Марат перезарядил ружьё, проверил механизм. Вера смотрела на его руки. Большие, в шрамах, но ловкие. Он делал всё медленно, без суеты.

— Почему не в больницу? — спросила она.

— Семьдесят километров по бездорожью. Ты бы не доехала.

— А здесь?

— Здесь ты уже доехала.

Он встал, повесил ружьё на крюк у двери. Подошёл к печке, подбросил дров. Вера наблюдала за ним. Широкие плечи, хромал на левую ногу, короткая борода. Скорее всего лет

тридцать пять, но выглядел он старше.

— Сколько я здесь? — спросила Вера.

— Четвертый день.

— Я была без сознания?

— В бреду. Кричала.

Вера не помнила.

— Что кричала?

— «Не надо». И ещё чьё-то имя. Илья, кажется.

Вера отвернулась. Марат не задавал вопросов. Он сел на табурет у печки, достал из кармана куртки кисет, свернул самокрутку.

— Здесь курить можно? — спросила Вера.

— Нельзя. И ты не куришь.

— Откуда знаешь?

— У тебя зубы белые и пальцы не жёлтые.

Вера не нашлась, что ответить. Марат закурил, выпустил дым в печку. В избе запахло махоркой — горькой, терпкой.

— Ты меня вытащил, — изумленно сказала Вера.

— Ты в процессе. Пока только доставил.

— Зачем?

— Не понял.

— Зачем ты меня подобрал? Мог проехать.

Марат молчал. Курил, смотрел в огонь. Печка потрескивала, где-то за стеной ухнула сова.

— Я егерем работаю, — выдавил он наконец. — Видел много всякого. Звери, люди. Все одинаково умирают, когда

ХОЛОДНО.

— Я хотела.

— Я понял.

— Ты мне помешал.

— Помешал.

— Это не твоё дело. Было.

Марат потушил самокрутку о в жестяной банке. Встал, подошёл к кровати. Наклонился. Вера отшатнулась, почувствовала его запах, дым и хвою. Он посмотрел ей в глаза. Спокойно, без жалости.

— Твоя смерть — не твоё дело, — вдумчиво произнес он.

— Когда ты в лесу, ты часть леса. А лес я охраняю.

— Я не зверь. Чтобы—часть.

— Зверь хотя бы борется. А ты лежала. Поперек дороги.

Ждала.

Вера отвернулась. Обида жгла горло, но слёз не было. Она разучилась плакать.

— Откуда узнал, что я в лесу? — спросила она.

— Ниоткуда. Объезжал уголья, следы у дороги. Человек полз. Поехал по следу.

— А если б не поехал?

— Замёрзла бы. Не ты первая. Такой мороз!

— И всё.

— И всё.

Марат отошёл к печке, поставил чайник. Вера смотрела на его спину. Широкую, в старой фланелевой рубашке. Он

двигался плавно, экономя каждое движение. Чуть заваливаясь на левую сторону.

Чайник закипел. Марат заварил в кружке какие-то сухие ягоды, принёс Вере.

— Пей, — сказал он. — Шиповник. Помогает.

Вера взяла кружку левой рукой — правая не гнулась. Отпила. Горько, терпко, тепло разлилось в груди.

— Спасибо, — пробормотала она.

— Не благодари. Ещё не знаешь, хорошо это или плохо, что я тебя подобрал.

— Ты знаешь?

— Нет. Утро вечера мудренее.

Он забрал кружку, поставил на стол. Вера смотрела на него, печку, бревенчатые стены. Всё здесь было сделанным на совесть, крепко, но без излишеств. Окно одно, маленькое, за ним — чернота. На стенах — потрепанная карта лесничества, охотничьи ножи на крючке, и фотография.

Вера заметила её не сразу. Фотография висела над столом — небольшая, чёрно-белая, в деревянной рамке. Женщина. Молодая, с короткой стрижкой и широкой улыбкой. На ней была армейская форма.

— Кто это? — спросила Вера.

Марат поднял голову, посмотрел на фотографию. Лицо его не изменилось, но взгляд стал другим — жёстче.

— Алина, — ответил он.

— Твоя жена?

— Напарница.

Он помолчал.

— Работали вместе. Я тогда следователем был. Она — оперативником. Дело вели, женщины исчезали. Хорошие женщины. Правильные. Только, несчастные. Нашли подозреваемого, но его отпустили. Думали, за взятку. Алина не успокоилась. Пошла к нему, сама. Бедовая! Была.

Он замолчал. Вера ждала. Печка потрескивала, часы тикали на стене.

— Её через неделю нашли, — рассказывал Марат, не повышая голоса. — В лесу. Так же, как тебя. Только мёртвую.

— Прости, — прошептала Вера.

— Не надо. Я не за этим тебя сюда вёз.

Он подошёл к кровати, сел на край.

— Не успел, не спас её, — монотонно проговорил Марат.
— Тебя — успею.

Вера смотрела на него. Шрам на щеке, светлый глаз, умелые руки. Он не был похож на спасителя. Скорее на человека, который сам когда-то едва не умер.

— Зачем тебе это?

— Я же сказал. Кто-то должен жить. Не все должны умирать.

Он встал, подбросил дров в печку. Вера закрыла глаза. В голове гудело — от боли, слабости, его слов. Она не знала, что делать. Как жить дальше. Но впервые за долгое время она почувствовала что-то, кроме холода и страха.

Тепло.

Не от печки — от человека. Сидевшего и молчавшего рядом. Который не спрашивал, не жалел, не лез в душу. Был здесь. И даже отвечал на вопросы.

Вера открыла глаза. Посмотрела на свои руки — перевязанные, беспомощные. Пальцы болели, но теперь эта боль была другой. Боль исцеления.

— Марат, — позвала она.

— Да?

— Ты вылечишь меня?

— Постараюсь.

— А потом?

— А потом сама решишь, что делать.

Вера кивнула. Посмотрела на фотографию Алины. Та улыбалась со стены — молодая, красивая, мёртвая. Вера поняла, что не хочет стать такой же. И висеть в рамке на чьей-то стене.

— Я не умру, — сказала она.

— Не умрёшь, — согласился Марат.

Он подошёл, поправил одеяло, подоткнул его со всех сторон. Потом сел на пол у печки, прислонился спиной к стене.

— Спи, — сказал он. — Я рядом.

Вера закрыла глаза. Печка гудела, за окном выл ветер. Где-то далеко, наверное, в Бийске, горели фонари и ездили машины. Там была её старая жизнь — с виолончелью, приютом, Ильёй.

Здесь начиналась новая.

Вера не знала, какая она будет. Не знала, выживет ли. Не знала, сможет ли когда-нибудь играть.

Она знала только одно: она не одна.

И этого было достаточно.

Она почти поверила.

Глава 11. ФИЛИН

Третьи сутки Вера не вставала с кровати. Не потому, что не могла — ноги уже слушались, хотя каждый шаг отдавался болью. Она просто не хотела. За окном избушки валил снег. Печка гудела, Марат возился во дворе. Гремел вёдрами, рубил дрова. Вера лежала и смотрела в потолок.

Ей снился Илья. Не каждый раз, но часто. Во сне он улыбался, дарил цветы, водил её смотреть на лебедей. А потом его лицо менялось, глаза становились пустыми, и он сжимал её руку. Вера просыпалась с криком.

На третье утро Марат зашёл в избу, стряхнул снег с шапки.

— Вставай, — хмуро сказал он.

— Не хочу.

— Я тебя не спрашиваю.

Он подошёл к кровати, протянул руку. Вера посмотрела на его ладонь — большую, грубую, в трещинах. Отползла от края кровати.

— Я тебя вытащил не для того, чтобы ты бока пролеживала, — ворчал Марат.

— А для чего?

— Есть работа.

— Какая?

— Пойдёшь — увидишь.

Вера неохотно села. Ноги затекли. Она разминала их несколько минут, массируя перевязанные ступни. Пальцы на правой руке всё ещё болели, но шины Марат снял накануне. Сказал, достаточно.

Она кое-как натянула старые валенки, которые Марат принёс из кладовки. Влезла в его фуфайку поверх своей флиски. Выползла во двор, колени тряслись, держалась за стеночку.

Мороз обжёг лицо. Снегопад усилился — крупные хлопья падали с неба, залепляли глаза. Вера прищурилась. Марат шёл впереди, оставляя глубокие следы. Хромал. Он привёл её к пристройке с северной стороны избы. Небольшому вольеру, сколоченному из досок и сетки.

— Смотри, — показал Марат и открыл дверь.

В углу вольера на низком насесте сидел филин. Он был огромным. Почти полметра высотой, с размахом крыльев не меньше полутора. Бурое оперение с чёрными крапинками, жёлтые глаза с оранжевым отливом. Левое крыло висело неестественно. Перебитое, замотанное бинтами.

Филин повернул голову. Клюв раскрылся — шипение было громким, почти змеиным.

— Ранен, — подсказал Марат. — Нашёл у дороги. С крылом ничего не сделать, а выжить может. Только не ест.

— Сколько дней?

— Четыре.

— А ты?

— Пытался. Шипит и бьётся.

Вера подковыляла ближе. Филин оскалился, по-своему. Страшный клюв щёлкнул, крыло дёрнулось. Птица не могла летать, но ударить вполне. Или вырвать глаз.

— Покормить? — спросила Вера дрожащим голосом.

— Попробуй.

— Почему я?

— Ты зоопсихолог. Вот и работай.

Вера обернулась. Марат стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на неё без улыбки.

— Я не работаю, уже. — дернулась Вера.

— Не сегодня.

Он развернулся и ушёл в избу. Вера осталась одна у во-
льера.

Филин сидел в углу и смотрел немигающими жёлтыми глазами. Шипел и перья ставил дыбом, когда она делала шаг. Или просто двигалась.

Вера села на обрубок дерева перед входом. Смотрела на птицу.

— Здравствуй, — тихо приветствовала она птицу.

Филин не ответил. Забубнил, пригибая голову, зашипел. Красавец какой.

Она просидела так полчаса. Не двигалась, не говорила — просто была рядом. Филин успокоился, перестал шипеть, но не подпускал.

На следующий день Вера вернулась. В руках — кусок сы-

рого мяса, нарезанного маленькими кусочками. Она зашла в вольер и села в метре от насеста.

— Я тебя не трону, — обещала она. — Не злись.

Филин смотрел. Голова поворачивалась вслед за каждым её движением. Изогнутый клюв держал открытым. Вера положила мясо на доску и отошла к стене. Села, скрестив ноги. Сидела и ждала.

Филин не ел. Смотрел на мясо, Веру, вход. Переводил взгляд обратно. Даже у него шея уставала от постоянных поворотов. Вера сидела. Ждала.

Марат заглянул в вольер.

— Есть?

— Нет.

— Иди в избу. Согреешься.

— Еще посижу.

Ушёл.

Вера сидела до вечера. Когда стемнело, филин заёрзал на насесте. Спрыгнул — тяжело, неловко, больное крыло волочилось по земле. Сделал шаг в сторону мяса. Второй. Остановился. Посмотрел на Веру. Потом на еду.

— Я не трону, — повторила она шёпотом.

Филин клюнул. Схватил кусок, проглотил. Второй. Третий. Потом развернулся и медленно, тяжело переваливаясь, пошёл обратно.

Вера улыбнулась. Впервые за долгое время. И ей стало легче.

Она вышла из вольера, заперла дверь. В избе Марат чистил картошку.

— Съел? — спросил он, не глядя.

— Четыре куска.

— Молодец. Я не про птицу.

Марат поднял голову. Посмотрел на Веру долгим взглядом. Кивнул — чуть заметно, одними бровями.

— Завтра снова пойдёшь, — как бы невзначай сказал он.

— Пойду.

Она села к печке, протянула руки к огню. Пальцы грелись медленно, ныли. Но это уже была хорошая боль. Марат поставил перед ней кружку с чаем. Травяной, горьковатый, с мёдом. Вера пила маленькими глотками, согревала ладони.

Молчали. Хорошо.

За окном падал снег. Где-то в вольере возился филин. Шуршал соломой, стучал клювом по доскам. Вера слушала этот звук и думала о том, что птица жива. Ест. И выживет.

«Значит, и я выживу», — подумала она. И вдруг отпустила темную память, мучившую ее.

Поставила кружку на стол.

— Марат, — обратилась она к хмурому хозяину. — Спасибо тебе.

— За что?

— За филина.

Он усмехнулся. Почти незаметно.

— Нет, — ответил он себе в усы. — Это ты сама.

— Без тебя, вряд ли. — ответила Вера, качала головой. — Я бы не пошла к нему. Лежала и смотрела бы в потолок. Ты меня заставил.

— Ну, это громко сказано.

— Ты меня вытащил. Не только из сугроба, из себя. Тоже. Марат промолчал. Встал, подбросил дров в печку. Вера смотрела на широкую спину, на шрам. Тянувшийся по щеке, от скулы до подбородка.

— И меня однажды вытащили, — буркнул он, не оборачиваясь.

— Кто?

— Алина. Хотел уволиться. Просила: «Ты нужен». Не слушался.

Он повернулся. Глаза — один светлее другого — смотрели жёстко и холодно. Но без гнева.

— Ты не Алина, — он говорил печально, убедительно. — И я — не ты. Но сидеть и ждать смерти — это не вариант.

— Я больше не жду, — нахмурилась Вера. И глаза не отвела. Подумайте, какой герой.

— Докажи.

Хотела спросить — как? Но не спросила. Медленно встала, осторожно налила себе ещё чаю, села обратно к печке.

— Завтра пойду к филину, — она планировала, создавала стратегию. Для себя. — И послезавтра. Пока он не начнёт есть нормально.

— А потом?

— Потом, следующий этап.

— Какой?

Вера посмотрела на свои руки. Пальцы на правой руке не сгибались. Она попробовала пошевелить ими — больно.

— Пока не знаю, — призналась она. — Но узнаю. Точно.

Марат кивнул. Сидели близко друг от друга, пили чай. Молчали. Слушали, как гудит печка и воет за окном метель.

Филин в вольере затих. Наверное, уснул. Вера подумала, что он будет сниться ей. Большой, бурый, с жёлтыми глазами. Или она ему.

— Марат, — позвала она снова.

— Да?

— А ты веришь, что люди могут меняться?

Он подумал немного. Тряхнул головой.

— Верю, — наконец ответил. — Но не все. И не сразу.

— Не хочу быть жертвой. Никогда больше.

— Не будь.

— Как?

— Делай то, от чего страшно.

Вера посмотрела на дверь вольера. За ней спал филин. Огромный, раненый, опасный. Она боялась его вчера. Сегодня — уже нет.

«Так тебе, красавчик. Придумал пугать», — думала Вера, глаза ее улыбались.

Она подняла кружку, отпила ещё чаю. Горького, тёплого, живого.

— Марат, а завтра что?

— Завтра будет завтра.

— Ты всегда так?

— Всегда.

Она улыбнулась. На этот раз улыбка получилась лучше, чем днём. Почти настоящая.

— Спать ложись, — буркнул Марат. — Завтра рано вставать.

— Филин рано не встаёт. Он сумеречный. Поздно ложится.

— А я рано. И ты со мной.

Вера вздохнула, но спорить не стала. Встала, сполоснула кружку. На секунду замерла, посмотрела в окно. Там, за снегом, была ночь. Холодная, чужая.

Но здесь, в избе, горел свет. И был человек, который не позволил ей умереть.

— Спокойной ночи.

— И тебе, — пробурчал Марат.

Она укрылась старым одеялом. Зажмурилась. И впервые за много ночей — не увидела Илью.

Ей уже снился филин, во всей красе. Он сидел на руке у Веры и не боялся.

Только вспыхивали янтарные глаза.

В ночи.

Глава 12. СТО МЕТРОВ

Утро началось с мороза. Столбик термометра за окном показывал минус двадцать, но солнце светило ярко. Снег искрился, как битое стекло. Вера стояла на крыльце, опираясь на косяк. Ноги болели. Не так, как в первую ночь, когда она не чувствовала их вообще. По-другому. Теперь они горели, покалывали, стреляли при каждом движении.

Марат вышел следом, застегнул полушубок.

— Пройдёмся, — велел он.

— Куда?

— До туалета и обратно.

Вера посмотрела на тропинку. Сто метров. Ровно сто — она считала. От крыльца до дощатой будки в конце двора. Марат говорил, что зимой туалетом пользоваться нельзя — холодно. Но сегодня было тепло, по местным меркам. Минус двадцать, но без ветра.

— Не дойду, — испугалась Вера.

— Дойдёшь.

Он спустился с крыльца, оставив её одну. Вера смотрела на его спину, хромую ногу. Снег, который скрипел под тяжёлыми берцами. Марат дошёл до будки, обернулся.

— Иди, — крикнул он. И махнул рукавицей.

Вера сделала шаг.

Нога подвернулась. Она ухватилась за перила, удержалась. Второй шаг — левая нога слушалась хуже, ступня горела. Третий — она отпустила перила и пошла сама.

Снег хрустел. Воздух был сухим и колючим, как наждак. Вера прошла десять метров, остановилась перевести дыхание. Пятнадцать. Двадцать. Ныли пальцы — отогревшиеся, покрытые красными пятнами. Марат сказал, что обморожение заживает долго. Кожа слезает, раны болят, нужно беречь.

«Не беречь, — поправила она себя. — Учиться ходить».

Двадцать пять метров. Вера почувствовала, как правая нога подкашивается. Она попыталась перенести вес на левую — не успела. Колени ударились о снег, ладони ушли в наст. Холод обжёг запястья.

— Вставай, — приказал Марат. Он стоял в пяти метрах от неё, не двигаясь.

— Не могу.

— Можешь.

— Марат, помоги.

— Нет.

Она подняла голову. Он смотрел на неё сверху вниз, без жалости и злости. Ждал.

— Я упала.

— Вижу. Вставай.

Вера оперлась на руки, подтянула колени. Она попробовала встать на четвереньки, потом выпрямиться. Ноги не держали. Она упала снова. На бок, в снег.

— Не могу, — повторила она. В голосе было уже не отчаяние. Злость.

— Можешь, — спокойно ответил Марат. — Ты встала в лесу, когда я тебя нашёл. Ты ползла по снегу в одной футболке. А здесь у тебя валенки и фуфайка. Вставай.

Вера закрыла глаза. Снег таял на щеке, стекало за шиворот. Она поджала губы, упёрлась руками в наст и вытолкнула себя вверх.

Встала. Пошатнулась, но устояла.

— Иди, — приказа Марат.

Она пошла. Медленно, переваливаясь с ноги на ногу, как больная птица. Каждый шаг отдавался болью в ступнях, щиколотках, коленях. Но она шла.

До будки оставалось десять метров. Пять. Три.

Вера дошла. Остановилась, схватившись за доски. Дрожала — от холода, напряжения. И осознания, что сделала это.

— Молодец, — похвалил Марат. — Теперь обратно.

Она хотела ответить, но не нашла слов. Развернулась, посмотрела на избушку. Сто метров в другую сторону. Та же дорога. И ноги, которые уже не слушались.

— Не дойду, — прошептала она.

— Дойдёшь.

Вера сделала шаг. Второй. На третьем правая нога подкосилась снова. Она упала на колени, больно ударившись о намерзший снег. Попробовала встать — не получилось. Ноги тряслись, не держали вес.

— Марат, я не встану.

— Ползи.

Она подняла голову. Он стоял в десяти метрах от неё, у крыльца. Лицо спокойное, руки в карманах.

— Ползи, — повторил он.

Вера опустилась на четвереньки. Опираясь на ладони и колени, поползла по снегу. Валенки цеплялись за наст, снег забивался в рукава. Она ползла и считала. Один метр. Два. Пять. Десять.

Руки замёрзли. Вера не чувствовала пальцев — тех самых, которые Илья сжимал до хруста. Но она ползла. Не вставала — сил не было. Просто двигалась вперёд, уже по-пластунски, перебирая локтями.

Марат не помогал. Стоял и смотрел. Вера проползла двадцать метров. Снег таял под одеждой, пропитывал фуфайку, добирался до кожи. Ей было холодно, больно, стыдно. Но она не останавливалась. Избушка приближалась медленно, по сантиметру. Вера не поднимала головы — боялась увидеть, как далеко ещё. Она просто двигалась: локоть-колени, локоть-колени.

Потом она заплакала. Слезы замерзали на щеках, превращались в ледяные дорожки. Но она не останавливалась. Локоть-колени.

Марат отошёл от крыльца, пошёл ей навстречу. Прошёл мимо, остановился за спиной.

— Не останавливайся.

— Я не могу больше.

— Можешь.

Вера выползла на утоптанную площадку перед крыльцом. До крыльца оставалось десять шагов. Она не могла идти. Не могла ползти. Лежала лицом в снегу и дышала. Тяжело, с хрипом.

Марат подошёл, наклонился. Протянул руку.

— Вставай, — сказал он.

— Ты сказал, не помогать.

— Я сказал — до туалета и обратно. Ты дошла. Обратно доползла. Теперь я помогу.

Она взялась за его руку. Он поднял её легко, как пушинку. Вера встала на ватные ноги, опираясь на его плечо.

— Иди, — уже на много мягче сказал Марат.

Она сделала шаг. Второй. Третий. Он не отпускал, но и не нёс — только страховал. Так они дошли до крыльца.

Вера села на ступеньку, прислонилась к перилам. Дрожала крупной, судорожной дрожью.

— Зачем? — спросила она. — Зачем ты заставил меня ползти?

— Чтобы ты знала: можешь. Даже когда не можешь.

Он ушёл в избу, оставил её одну. Вера сидела на ступеньках, смотрела на свой путь. От крыльца до будки и обратно. Две сотни шагов, которые стоили ей тысячи усилий.

Сама. Упала, встала, поползла — но прошла.

Вера поднялась, вошла в избу. Марат стоял у печки, грел

чайник.

— Я сделала, — срывающимся голосом подтвердила она.

— Да.

— Сто метров.

— Сто.

Вера села на лавку, стянула валенки. Ноги были красными, распухшими, но теплыми. Живыми. Она пошевелила пальцами. Больно, но пальцы шевелились.

— Завтра пройду двести.

— Не завтра, — ответил Марат. — Послезавтра. Завтра будешь отдыхать.

— Я не хочу отдыхать.

— Хочешь — не хочешь. Тело не обманешь. Отдыхай.

Он поставил перед ней кружку с чаем. Вера взяла, отпила. Горячо, терпко, горьковато.

Вечером боль вернулась. Ноги гудели, как после марафона. В пальцах стреляло, колени ныли. Вера легла на кровать, укрылась одеялом и заплакала. Не громко. В подушку, чтобы Марат не слышал.

Услышал.

Он зашёл в комнату, сел на пол рядом с кроватью. Не обнял, не погладил по голове, не сказал «всё будет хорошо». Просто сел и молчал.

Вера плакала, а он сидел. Она чувствовала его присутствие. Тяжёлое, надёжное. Как печка. И земля под ногами.

— Марат, — прошептала она сквозь слёзы.

— М-м?

— Ты зачем здесь?

— Сажу.

— Почему?

— Ты плачешь. Рядом кто-то должен быть.

— Ты не утешаешь.

— Не умею.

— А что умеешь?

— Молчать.

Вера всхлипнула. Вытерла лицо подушкой. Повернулась к нему. Глаза закрыты. Не спит.

— Спасибо, — она искренне поблагодарила его.

— Не за что.

— Есть за что.

Вера отвернулась к стене. Слезы высохли. Боль осталась. Только она была другой. Вера закрыла глаза и уснула. Марат посидел ещё немного. Потом встал, подбросил дров в печку и вышел на крыльцо. Курить.

Ночь была морозной, звёздной. Снег скрипел под ногами. Он смотрел на небо и думал о том, что не ошибся. Эта женщина — не Алина. Она выживет.

И справится. С поставленной задачей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.